РАЗСКАЗЪ I.

ИВАНЪ ПОДКОВА.

РАЗСКАЗЫ
ПРАДѢДА.

КАРТИНЫ

Нравовъ, обычаевъ и домашняго быта

МАЛОРОССОВЪ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

при Императорской Академіи Наукъ.

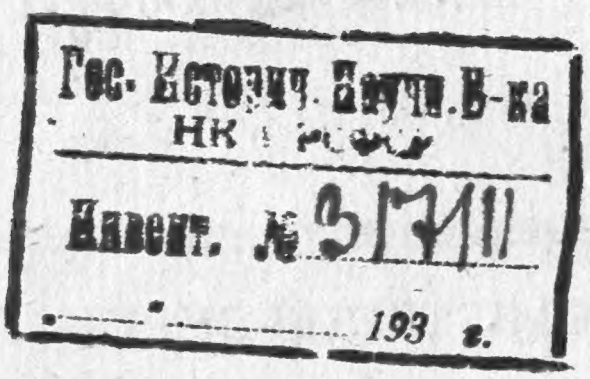
1833.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, предста-влены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.

С. Петербургъ. Января 26 1833 года.

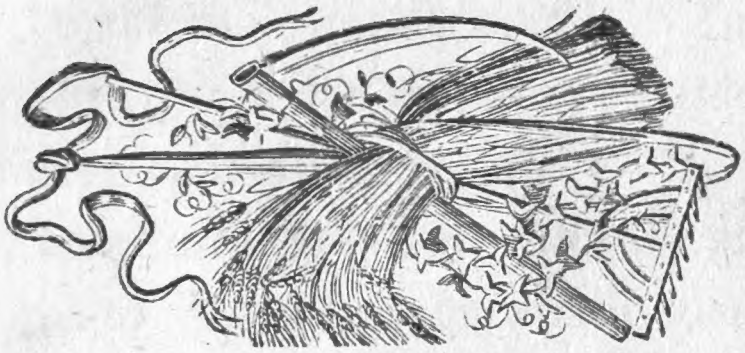
Цензоръ *П. Гаевскій.*


Гос. Истор. Научн. Б-ка
НК
Инвент. № 3 17111
193 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Наши путешественники справедливо называютъ Малороссію *Русскою Италіею.* Тамъ воздухъ чистъ; земля плодородна; люди имѣютъ большую способность къ пѣнію, музыкѣ и поэзіи. Будучи избалованы природою, Украинцы также лѣнивы, какъ Италіянцы; но постоянны, гостепріимны, чистосердечны. Исторія говоритъ, что небольшое Малороссійское Гетманство, въ продолженіе двухвѣковаго существованія, славилось храбростію своихъ воиновъ и Предводителей, приводившихъ въ трепетъ Орды Татарскія, Мол-

давію и Стамбулъ. Нѣкоторые Короли и Владѣтели просвѣщенныхъ державъ даже искали ихъ союза. Желаніе короче познакомить своихъ соотечественниковъ съ цвѣтущимъ Малороссійскимъ краемъ, въ которомъ я самъ родился и воспитанъ, побудило меня начертать въ повѣстяхъ нравы, обычаи и домашній бытъ Украинцевъ. Почту себя счастливѣйшимъ, если сколько нибудь достигну своей цѣли.



ИВАНЪ ПОДКОВА.

Въ Гетманствѣ Малороссійскомъ, недалеко отъ села Лободы, на берегу Днѣпра орапаи пахали землю плугомъ, четырьмя парами воловъ запряженнымъ. Позади плуга шелъ, направляя его по бороздѣ и очищая палочкою землю, накопляющуюся на ралѣ, Ѳедоръ Мандрыка, мужикъ небольшаго роста, въ одной рубашкѣ, безъ шапки и босой. Онъ былъ недальняго ума, трусливъ, нрава сварливаго, крутаго, изъ-за пус-

тяковъ запѣвалъ ссору и даже драку. Сдѣлавъ дурную привычку по воскресеньямъ и праздникамъ заходить въ шинки, Ѳедоръ въ коротkое время промоталъ доставшееся ему отъ отца небольшое имущество. Потомъ пропилъ приданое своей жены, питался ея и дочерними трудами, не давалъ имъ времени завестись лишнею *копѣйкою*, таская въ шинокъ, къ *Лейбѣ*, что ни попадалось ему въ руки, и за все это нерѣдко награждалъ ихъ побоями. Дурными своими поступками онъ прежде времени свелъ во гробъ добрую и умную жену, которая тщетно старалась исправить его поведеніе. Едва успѣвъ схоронить покойницу, Мандрыка собирался было уже заложить въ шинкѣ остальное свое имущество — хату, огородъ и корову; а дочь пустить по-міру съ пустыми руками. Тогда заботливые родственники и добрые его знакомые, изъ сожалѣнія къ нему, а болѣе соболѣзнуя о несчастной

спротѣ — его дочери, убѣдили Ѳедора жениться на одной бѣдной дѣвкѣ, дабы сколько нибудь остепенить его. Но похвальное намѣреніе усердныхъ людей не увѣнчалось желаннымъ успѣхомъ; ибо Мандрыка не переставалъ учащать въ шинокъ къ знакомому Лейбѣ.

Заднія двѣ пары воловъ, запряженныя въ плугъ, погоняла жена его Параска — женщина высокая, молодая, румяная, лѣнивая, упрямая. Она любила жирно ѣсть, много спать и *женихаться* (*) *на улицѣ* (**) *съ парубками.* (***) Къ сожалѣнію, рано лишась родителей, Параска выросла, почти безъ всякаго надзора, у своего дальняго скупаго родственника, который,

*) амуриться.

**) Улицею называется сборное мѣсто на селѣ у какого либо двора, куда сшекаются холостые парни и дѣвушки изъ ближайшихъ хатъ. Тамъ они веселятся, амурятся и повѣряютъ другъ другу свои тайны сердечныя.

***) парень.

призрѣвъ сироту изъ жалости, надѣялся въ послѣдствіи имѣть въ ней хорошую работницу. Но обманувшись въ своемъ предположеніи, старый воркунъ часто укорялъ дѣвку, что она бѣгаетъ отъ дѣла, и только даромъ ѣстъ хлѣбъ у него. Почему Параска, неразбирая, рада была вцѣпиться въ перваго мущину, къ ней присватавшагося, *только бы избавиться упрёковъ* скряги. Представился случай — и сирота — дѣвка, цвѣтущая молодостію и здоровьемъ, вышла замужъ за Мандрыку, уже дряхлѣющаго отъ безпорядочной жизни, не чувствуя къ нему на малѣйшей склонности. Мысль быть полною госпожею своихъ поступковъ, и подъ сѣнью законнаго супружества безпрепятственно пресыщаться наслажденіями жизни, совершенно занимала молодую женщину. Часто предававшійся хмѣлю Мандрыка совсѣмъ негодился ей въ мужья; Параска нерѣдко подчивала пьяницу кочер-

гою; но не успѣла отвадить Ѳедора отъ *горѣлки* и возненавидѣла его. Завидуя красотѣ и скромности своей падчерицы, она не любила бѣдную дѣвушку, часто попрекая ей тѣмъ, что отецъ ея все пропиваетъ, а она должна, Христа-ради, кормить и одѣвать чужую дочку.

Переднія двѣ пары воловъ погоняла Оксана, дочь Мандрыкина отъ перваго брака — дѣвушка взрослая, богато надѣленная дарами природы. Волосы у нея были черные какъ смоль, глаза темноголубые, носъ соразмѣренъ частямъ лица, щеки покрыты неувядаемымъ румянцемъ, губы алыя, невольно заставляющія сорвать съ нихъ поцѣлуй любви, зубы чистые, блестящіе, подобно жемчугу, шея бѣлая, слегка подернутая солнечнымъ загаромъ, груди полныя и станъ стройный. Прекрасную ея голову обвивали двѣ роскошныя косы, красиво заплетенныя въ видѣ гирланды, а округленная шея

украшалась разноцвѣтными монистами. Взоръ Оксаны дышалъ невинностію и любовію, проникая въ душу каждаго. Въ сердце ея давно уже заронилась искра любви; одинъ небогатый молодой Козакъ часто видался съ нею на *улицѣ*, полюбилъ ее отъ всего сердца, и она на вѣки предалась ему младенческою душею. Съ чувствительнымъ сердцемъ Оксана была умная дѣвушка, и всѣ несправедливости отца и мачихи сносила терпѣливо, безъ ропота, сѣтуя только въ тишинѣ.

«Послушай Параска,» сказалъ Ѳедоръ своей женѣ, я порадую тебя доброю вѣсточкою — вѣдь за нашу Оксану сватается богатый Саранчукъ. Еще на прошлой недѣлѣ, когда я просилъ у него эту землю вспахать съ половины, онъ заговаривалъ объ Оксанѣ; а мнѣ и не въ догадку — экой я разиня! Сегодня же, посылая тебя съ дочкою въ поле и наказывая тамъ дожидать меня, я пошелъ на хуторъ къ

Саранчуку за плугомъ. Онъ самъ вышелъ изъ свѣтлицы на дворъ, посадилъ меня на завалинѣ и сказалъ ласково, какъ мы теперь съ тобою бесѣдуемъ. «Послушай, добрый мой Ѳедоръ! я хочу поговорить съ тобою объ одномъ немаловажномъ дѣлѣ; оно касается до всей твоей семьи и до самаго меня.»

«Гмъ! гмъ! гмъ!» «добрый мой Ѳедоръ,» «знать во мнѣ имѣютъ нужду, подумалъ я, застегивая воротникъ своей сорочки нитkою, изъ разодраннаго лѣваго рукава выдернутою; лѣвую руку спряталъ въ пазуху; а правую держалъ въ готовности на всякій случай.

«Сунувъ мнѣ въ руку серебряный рубль, Саранчукъ продолжалъ:» «я видалъ въ Церкви дочь твою Оксану, дѣвочка изрядная, она мнѣ приглянулась, не хочешь ли со мной породниться, добра у меня много; дѣтей нѣтъ, родни также; брожу по пустымъ хо-

ромамъ одинъ, какъ домовой; слова не съ кѣмъ промолвить.»

«Я сдѣлался самъ не свой, руки и ноги задрожали, голова пошла кругомъ, брякнулся ему въ ноги, и, такъ сказалъ: *панъ* ты мой, *добродѣй*! ты не гнушаешься бѣдныхъ сиротъ, хочешь вывести насъ въ люди, чѣмъ же мнѣ возблагодарить тебя.»

«И, полно, Ѳедоръ, встань!» «сказалъ онъ подымая меня,» «подумаютъ, что ты провинился предо мною; дѣло останется между нами; — а какъ ты думаешь;» «спросилъ онъ поправляя свой *чубъ* (*) и закручивая усы,» «полюбитъ ли меня невѣста?»

«Какъ не полюбить такого бойкаго *парубка*! да она, услышавъ о такомъ благополучіи, три дни не станетъ ѣсть отъ радости.»

«Тото же! . . . . на, возми,» «продолжалъ онъ насыпая мнѣ изъ *калитки*

---

*) Толстый пучокъ волосъ на лбу.

(*) цѣлую горсть червонцевъ,» «да купи моей нарѣченной шелковый платокъ, разно-цвѣтныхъ лентъ въ косу, красную кофту изъ *Каломайки* (**) самую цвѣтную *плахту* (***) и красные сафьяновые сапоги.»

«Я совсѣмъ одурѣлъ, заплакалъ отъ радости, бросился обнимать его колѣна и разронялъ червонцы. Саранчукъ, пособивъ мнѣ подобрать золото, велѣлъ работнику своему запречь мнѣ воловъ въ плугъ, самъ провожалъ меня за ворота, и прощаясь, обѣщалъ быть къ намъ въ будущее воскресенье. Червонцы я зашилъ въ пазуху; дома тебѣ ихъ покажу; бѣдняжка! ты никогда невидала такого богатства; да и гдѣ тебѣ видѣть? Отецъ твой покойный, Пархомъ, что называется, не имѣлъ ни кола, ни двора; кольми паче серебра: а мы, вѣдь, съ тобою сошлись по любови.

*) Кожаный кошелекъ.

**) Родъ байки.

***) Родъ юбки, спереди распашной.

Вотъ я, примѣрно сказать, совсѣмъ иное дѣло, бывалъ въ бывальщинѣ: — такъ прилучалось уже видѣть на своемъ вѣку всякую всячину. Когда *бурлаковалъ*, — (*) довелось ходить не разъ на Донъ за рыбою; въ Крымъ за солью; за шпанскими овцами; а по Днѣпру гонять барки: тамъ то добра! . . . . . А! Боже ты мой милостивый! . . . . . Тамъ то мы попировали! *въ сапогахъ сахаръ носили, кармазинъ ѣли*; а серебра и золота, хоть лопатою греби, и куры не клюютъ.»

«Ты мелешь такую небылицу какъ будто дурману объѣлся,» возразила Мандрыкѣ обиженная Параска, «ври сколько хочешь, теперь твоя недѣля; а я всегда скажу, что золото приходитъ Саранчуку изъ нечистыхъ рукъ; скажи ты мнѣ, откуда онъ беретъ такую пропасть червонцевъ? а ?!..... знаешь ли что? вѣдь онъ былъ уже на двухъ женатъ, и, съ ними Христосъ,

(*) вести жизнь холостую, кочующую.

говорятъ добрые люди, буд-тобы покойницы проданы лукавому. Въ погребахъ у него по ночамъ такая стукотня! такая трескотня! такая топотня! . . . . . ну, точно въ двѣнадцати кузницахъ разомъ подковываютъ коней для цѣлаго козачьяго полка. Этаго мало! разжуйка ты его хорошенько, такъ и узнаешь что за птица Саранчукъ! Онъ не ѣстъ свинины, не соблюдаетъ постовъ, никогда не говѣетъ и не причащается, въ великій постъ ѣстъ колбасы, насмѣхается надъ святыми мощами, мимо Церкви ходитъ не ломая шапки, а въ церковь Божію рѣдко заглядываетъ. Ума не приберу, какъ земля не разступится и непожретъ такого бусурмана! Охъ, охъ, охъ! знать будетъ скоро свѣта-преставленіе.»

«И, дурочка неразумная! молодая неопытная пташка! невѣрь злымъ людямъ. Ей, ей! понапрасну клеплютъ на добраго человѣка! Ты думаешь, что

тѣ только будутъ въ раю, которые раздаютъ милостыню и въ Церкви безъ отдыха кладутъ земные поклоны?....»

«Я ровно ни о чемъ не думаю, а только знаю, что ты пьянствуешь вмѣсто того, чтобы поставить свѣчку къ образу, за то и сорочка у тебя едва держится на плечахъ.»

«Ну, чтожъ ты будешь дѣлать!» возразилъ пристыженный Ѳедоръ, «люди добрые приглашаютъ зайти по дорогѣ къ Лейбѣ — размѣнять тамъ на мѣдь. Нужды нѣтъ, что жидъ; а право лучше Христіанина, промѣна не беретъ; — не такъ какъ Лиходѣенко, либо Хавкунъ — грабители, готовы снять послѣднюю сорочку съ бѣднаго человѣка. Соберется въ шинкѣ десятокъ, — другой старыхъ *бурлакъ*, неуспѣешь покалякать, глядь въ окно! .... народъ крещенный изъ церкви валитъ по улицамъ! Нашъ попъ торопится какъ гонецъ съ бумагою къ Гетману. Да коли хочешь слышать правду истин-

ную; но знай: что я и рѣчей его хорошенько не разумѣю.»

«О! ты найдешь отговорку! .... Вы по братались съ чёртовымъ сыномъ, съ нехристью, поганымъ Лейбою, предателемъ Христа; а онъ обдираетъ васъ какъ бѣлокъ — и души свои скоро тамъ пропьёте—*Кателики* (*)! Ахъ ты человѣкъ ни къ чему негодный! Еретикъ нечестивый! Да какъ языкъ у тебя во рту повернулся вымолвить: что ты неразумѣешь рѣчей нашего батюшки добраго, священника разумнаго, старца благочестиваго! Всѣ міряне такъ заслушиваются его бесѣдъ праздничныхъ, великопостныхъ, что и ѣда никому на умъ не вспадетъ. Рѣчи его чище воды ключевой, слаще меда сотоваго!

*) Испорченное слово Католикъ. *Ярмное* его господства Поляковъ надъ Украйною и ихъ насильственныя мѣры ввести тамъ Католическую вѣру озлобили Украинцовъ до того, что они и самое названіе ихъ религіи обратили въ поносное ругательство.

Смотри пожалуй! побратался съ жидовиномъ — прокляпымъ отродіемъ; а теперь хочетъ еще породниться съ Татариномъ поганымъ, бусурманомъ окаяннымъ, душу свою дьяволу продавшимъ! Не хочешь-ли и ты записаться въ бусурманы? Чего добраго?!!! . . . . . »

Подобный споръ длился между супругами нѣсколько часовъ сряду. Ѳедоръ съ такимъ восторгомъ разсказывалъ о сватовствѣ Саранчука и его золотѣ: что Оксана, изъ страха наказанія, не смѣла противорѣчить ему. Сначала она была очень довольна своею мачихою, когда Параска старалась предъ отцемъ ея чернить Саранчука. Потомъ слишкомъ продлившійся горячій споръ съ примѣсью ругательствъ подалъ ей справедливую причину опасаться, чтобы между Ѳедоромъ и Параскою не дошло до явной драки. Заботясь единственно о возстановленіи согласія между родителями, добрая и умная дочь нѣсколько разъ пыталась

было перемѣнить ихъ крупные разговоры; но отецъ каждый разъ напоминалъ ей, «что *яйца не учатъ курицу*:» — и она принуждена была замолчать. Впрочемъ спрахъ Оксаны на этотъ разъ былъ напрасенъ. Восхищаясь будущимъ богатствомъ, Ѳедоръ занимался одною только мыслію, и вовсе не расположенъ былъ къ дракѣ.

Наскучивъ наконецъ справедливыми укоризнами Параски, и не чувствуя въ себѣ ни малѣйшаго желанія ссориться съ нею, Ѳедоръ добровольно уступилъ ей, опять обративъ разговоръ къ прежней матеріи. «Подумай жена,» сказалъ Мандрыка: — «какъ мы разбогатѣемъ, когда Саранчукъ женится на нашей Оксанѣ,—заживёмъ какъ паны!.... Завсегда будемъ ѣсть *борщъ* съ бараниною, кашу съ масломъ, *вареники* съ сметаною, сельди, копченую рыбу, пшеничныя *галушки* (*); пить шал-

*) Клёцки.

фей съ мёдомъ — *липцемъ*, разныя *наливки*; спать на пуховикахъ сколько душѣ угодно; ѣздить на ярмарку; лакомиться изюмомъ, сахаромъ, икрою, финтами; *Голова* тогда не подходи къ намъ близко—какъ разъ изъ подъ полы дадимъ ему шишъ. Видишь ли: вонъ какая *валка*(*)*чумаковъ*(**)тянется по большой дорогѣ, будто журавли летятъ веренницею — и пыль отъ табуновъ столбомъ — свѣта Божьяго въ очахъ невидно? — Всё это работники Саранчуковы гонятъ на ярмарку въ Терехтемировъ.

Въ то время, какъ наши ораган зазѣвались на *чумаковъ*, ѣхавшихъ по большой дорогѣ, жирный быкъ отъ сильнаго зноя и усталости, и не чувствуя на своей спинѣ ударовъ побудительнымъ *батогомъ* (***), началъ ложиться и ярмо затрещало.

*) Обозъ.

**) Мужикъ везущій съ Дону рыбу и соль изъ Крыму,

***) Плѣть.

Прежде всѣхъ замѣтивъ это, Ѳедоръ сердито закричалъ: «Параска! а Параска! Не люблю я: когда ты ловишь воронъ! Развѣсила уши какъ чухонская свинья! Гляди, гляди! Черный быкъ совсѣмъ уже ложится, ярмо сломаетъ! А! бѣдная моя головушка, пропаду я съ вами безвременно! Потеряюсь какъ собака на ярмаркѣ!»

«*Самъ же ты виноватъ: заговорилъ* насъ, обрадуясь богатству своего задушевнаго пріятеля. Небѣснуйся такъ! Что глаза выпучилъ какъ баранъ! Не слишкомъ испугались тебя!»

«Да стегни его *батогомъ*! А! каторжная скотина! Пропало бѣдное мое ярмо! Съ какими очами теперь явлюсь я предъ Саранчукомъ!»

Но ужъ было поздно;—быкъ повалился на бокъ, сломалъ ярмо и опрокинулъ плугъ;—всѣ быки разстроились и начали ложиться. Неостерегшагося Ѳедора бросило плугомъ въ сторону на нѣсколько шаговъ почти безъ чувствъ.

Гос. ... НКП РСФСР
Инвент. №
193 г.

Нисколько не опасаясь возраженій отъ своего хозяина, приведеннаго неожиданнымъ приключеніемъ въ самое жалкое положеніе, Параска на перекоръ, желая въ волю подразнить Ѳедора, начала ему вторично проповѣдывать.

«Видишь: какой ты разумный человѣкъ, ругаешь и бьешь бѣдную скотину, а самъ хуже скотины, готовъ содрать шкуру съ бѣдныхъ быковъ. Въ чемъ они провинились, голубчики мои, почтъ вѣдромъ съ нихъ льетъ, бока совсѣмъ ввалились, какъ имъ не ложиться, когда уже за полдень; люди добрые давно отдыхаютъ.»

Очнувшись при послѣднихъ словахъ, Мандрыка, мучимый чувствительною болью отъ паденія на землю, вспыхнулъ, подобно пороху отъ искры. Скрежеща отъ злости зубами и крича во все горло, «вотъ я дамъ вамъ отдыхать:» онъ побѣжалъ къ дочери стоявшей впереди быковъ.

На ней первой Ѳедоръ хотѣлъ выместить свою злость и началъ по

спинѣ Оксаны отсчитывать удары длиннымъ ременнымъ *батогомъ*, приговаривая: «не зѣвай знай, не лови воронъ, дѣлай дѣло, не бѣгай отъ дѣла, учись работать, глядя на меня, не слушайся матери, бери примѣръ съ отца дочь родительская.» Постепенно возрастав-шее дѣйствіе орудія, находившагося въ рукахъ Мандрыки, совершенно выходи-ло *уже изъ границъ человѣколюбія.* Ни моленія, ни слезы не могли умилости-вить разъяреннаго, бѣшенаго мужика— мѣра терпѣнія исполнилась! — Желая поскорѣе избавиться отъ мучитель-ныхъ ударовъ *батогомъ*, Оксана про-ворно убѣжала въ ближній лѣсъ.

Тогда Мандрыка обратился къ своей половинѣ съ бранью: «это ты негодная, безстыдница, грѣховодница, испортила мою дочку! Ты наушничала ей не-слушаться отеческихъ наставленій.»

Вмѣстѣ съ этимъ, нестерпимую для тѣла, операцію дѣйствія ременнымъ *батогомъ* со спины юной Оксаны Ѳе-

доръ перенесъ на хребетъ дюжей Параски. Предвидѣвъ имѣвшуюся разразиться надъ ней грозу, она заблаговременно приготовилась къ принятію оной, вооружась подобнымъ орудіемъ. — Удары разгнѣванной Параски безъ счета посыпались на разныя части тѣла Мандрыкина. Встрѣтя сильное сопротивленіе непріятеля непрусливаго, упорнаго, сильнѣйшаго себя, робкій Ѳедоръ прекратилъ нападеніе, и, подобно Турку не чувствующему уже болѣе надъ собою дѣйствія одуряющаго зелія, поспѣшно обратился въ бѣгство. Боль, чувствуемая имъ отъ паденія на землю, при опрокинутіи плуга, и удвоенная потомъ учащенными ударами Параски, жестоко мстившей за оскорбленіе нѣжнаго ея тѣла жесткимъ *батогомъ*, требовала отмщенія, для насыщенія котораго оставалась еще жертва. Мандрыка не упустилъ случая — онъ бросился къ быку изломавшему ярмо и излилъ на него всю свою ярость, бія

его нещадно, — съ неслыханною лютостію.

«Ты совсѣмъ одурѣлъ, белены объѣлся», продолжала разсудительная Параска: «скажи пожалуй! за что ты бичуешь невинную животину? Погляди: сколько еще осталось невспаханной нивы! Волы жъ со всѣмъ измучились; они, вѣдь, такъ усердно съ самаго утра работали, а теперь ѣсть и пить хотятъ; солнце свернуло уже съ полудня, и намъ пора бы отдохнуть.»

Взглянувъ вверхъ на югъ, Мандрыка оторопѣлъ. «Въ самомъ дѣлѣ жена, ты говоришь правду,» сказалъ онъ смягчившись: «мнѣ и не въ догадку, что на небѣ уже за полдень; а уменя на животѣ такъ близко къ *вечери* (*); я самъ голоденъ какъ собака. Теперь до единой души всѣмъ роздыхъ! Ѣшь, спи, или гуляй въ лѣсу и собирай орѣхи, груши и *кислицы* (**)!» «*Вольному*

*) Ужинъ.

**) Кислыя маленькія яблока.

воля, спасенному рай.» «Параска! ты ступай къ возу и приготовь намъ полдникъ, а я выпрягу быковъ и сведу ихъ на водопой, надобно ихъ поберечь. Хоть Саранчукъ и будущій мой зять однакожъ все лучше возвратить ему скотину въ добромъ здоровьѣ.» Потомъ, Ѳедоръ началъ выпрягать быковъ, приговаривая: «волики мои добрые, товарищи мои любезные, когда выдамъ дочь свою за вашего хозяина, тогда стану кормить васъ самымъ лучшимъ степнымъ сѣномъ, по вечерамъ же будете лизать Крымскую соль(*).» — Выпрягши, онъ погналъ ихъ *батогомъ*, по-парно связанныхъ, называя каждаго по имени: «Гей, черный! Гей, сѣрый! Гей, карій!» пп. д.

Въ лощинѣ близъ ручья завидѣвъ дочь свою, Мандрыка обрадовался слу-

(*) Для доставленія жира рогатому скоту даютъ ему́ либо въ пластахъ лизать сѣрую соль, либо мѣлко истолченною посыпаютъ пастьбищныя степи.

чаю передать ей полновѣсные удары Параскины, живо чувствуемые имъ на всѣхъ членахъ. Подкравшись къ ней на цыпочкахъ, онъ вдругъ закричалъ: «что ты тутъ хнычешь негодная тварь! а? . . . . . О! да я скоро выгоню изъ тебя блохи!»—и опять началъ внушать дочери родительскія наставленія.

Въ то время, погрузясь въ думу и сѣтуя о своей горькой участи, Оксана заливалась слезами; но неожиданно почувствовавъ на своей спинѣ, на свѣжихъ еще иобояхъ, возобновленные удары слишкомъ чувствительно проникавшимъ въ нѣжное ея тѣло *батогомъ*, она въ испугѣ бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ и прямо въ ручей.

Воображая, что Оксана хочетъ утопиться въ ручьѣ, Ѳедоръ крайне оробѣлъ;—мгновенно онъ перешелъ отъ лютой злости къ мягкосердію сердобольнаго отца и началъ умолять ее сими словами. «Дочка моя! Моя сизая

голубка! Моя Оксаночка *кохана я* (*)! Въ чемъ я предъ тобой погрѣшилъ! За что ты оставляешь меня сиротою! Никогда не буду гоняться за тобою съ *батогомъ*; — коли не вѣришь, то я и побожусь! Ей Богу, будь, я проклятъ, анаѳема!» сказалъ онъ сквозь слезы: — «не стану больше брать и въ руки этаго каторжнаго *батога*—гляди! чтобы избавиться отъ грѣха, я швырну его въ воду.»

Увидя собственными глазами, что батога не было въ отцевскихъ рукахъ, Оксана вышла изъ ручья: однакожъ не смѣла еще близко подойти къ отцу. Тогда Ѳедоръ самъ, приблизясь къ ней, продолжалъ: «чего ты испугалась? Глупенькая! не ужели думала: что я стану портить тебя *батогомъ*, пока и духъ изъ тебя вонъ? Было отъ чего топиться, наводить такой грѣхъ на мою душу? Видишь: какъ промокла, бѣдняжка! ты вся дрожишь, какъ осиновый

*) Возделѣлицный.

листъ, сядь противъ солнышка, вотъ здѣсь на травкѣ, мое дитятко родное, обсушись, да посмотри за бычками. — Прощай моя голубка,» прибавилъ онъ, цѣлуя ее въ лобъ: «отдохнувши крошечку послѣ горькихъ трудовъ, я прійду смѣнить тебя; ну, перестань же хлипать, ты знаешь: я не люблю плаксъ.»

Между тѣмъ, Параска состряпала полдникъ изъ кваса съ лукомъ, приправя его надлежащимъ количествомъ соли и искрошила туда ломоть черстваго хлѣба, однимъ словомъ: она приготовила то, что по Русски просто называется тюрею, а по Малороссійски совсѣмъ иначе?!! — . . . . .

Проголодавшійся Ѳедоръ присталъ къ своей дюжей половинѣ и, молча, вдвоемъ проворно опорожнили большую деревянную миску здороваго деревенскаго кушанья. Отъ усердной и безпрерывной ихъ работы только потъ градомъ катился по лбу и по вискамъ; желудокъ обременился сырою пищею,

отяжелѣлыя зѣницы смыкались и усталые члены требовали успокоенія.

Почему, для окончательнаго подкрѣпленія своихъ силъ, насытившіеся супруги порознь расположились въ тѣни отдыхать; — мужъ подъ переднею осью воза, а жена подъ заднею, и каждый изъ нихъ предался собственнымъ размышленіямъ.

Ѳедоръ мечталъ о червонцахъ Саранчука, его табунахъ, возахъ съ рыбою, съ солью, прежде времени восхищаясь мыслію, какъ онъ будетъ утопать въ *горѣлкѣ*, *наливкахъ* и пресыщать свое чрево *саломъ*, *галушками*, *варениками* и *пампушками*.

Параска изыскивала въ умѣ средства заманить въ свои сѣти Саранчука, на котораго она при каждой встрѣчѣ кидала любовные взгляды. Отвѣтствуя на нѣжности молодой деревенской кокетки, богатый Саранчукъ всегда въ знакъ согласія мигалъ ей бровями и моргалъ длинными въ завит-

кахъ усами. Почему Параска питалась несомнѣнною надеждою, при благопріятныхъ случаяхъ переводить на свой меридіанъ по частицѣ разной монеты изъ мѣшковъ богача.

«Не состояться этой свадьбѣ,» воскликнула она сама себѣ:» хотя мнѣ, выдуманною сказкою про Саранчука, и неудалось напугать стараго моего хрѣна; однакожъ, во что бы то ни стало, разстрою его затѣи, иначе я не буду называться Параска, по прозванію Моторная.»

Обогрѣваясь на солнцѣ въ лощинѣ близъ ручья, Оксана вынула изъ за-пазухи ломоть черстваго, овсянаго хлѣба и, смачивая его горячими слезами, думала про себя. «Ни за что въ свѣтѣ не пойду я за мужъ за этаго богача головорѣза, не нужно мнѣ его золото.—Говорятъ, что съ полными сундуками денегъ, въ пышныхъ хоромахъ и на мягкихъ пуховикахъ утираютъ слезы кулакомъ и часто не досыпаютъ ночей. Теперъ знаю какъ справляться съ отцемъ. Коль скоро

онъ дома станетъ принуждать меня, выйти за Саранчука, тотчасъ вонъ изъ хаты да и въ рѣку: *лучше укоротить свой вѣкъ молодой, чѣмъ нелюбаго* (*) *любить.*»

Между тѣмъ, какъ каждый изъ трехъ орапаевъ на досугѣ занимался своими мыслями, время отдыха прошло, и глава плуга опять пришелъ въ долину пособить дочери гнать воловъ, запрёгъ ихъ въ плугъ, осмернею цугомъ и снова начали въ томъ же самомъ порядкѣ дѣлать обороты, бороздя по сухому чернозёму. Трудолюбивыя животныя усердно работали, изъ шкуры вонъ лѣзли, впрочемъ не избавились отъ ругательствъ и побоевъ; нива вспахана и поздно ночью хлѣбопашцы возвратились домой.

Когда Ѳедоръ въ сараѣ зарылся въ свѣжее сѣно и тамъ захрапѣлъ, а молодая его жена заперлась въ чуланѣ; тогда Оксана, тихонько отворя дверь,

*) Нелюбезный.

вышла изъ хаты, перелѣзла черезъ ворота и полетѣла на улицу — это было дѣло нѣсколькихъ минутъ.

На *улицѣ парубки* съ *дѣвчатами* давно уже *жартовали* (*), *женихались*, бѣгали, возились, дурачились, не разъ садились отдыхать, слушая разсказы сельскихъ краснобаевъ, или распѣвая разгульныя пѣсни, потомъ снова принимались куралесить.

Окруживъ Оксану, *дѣвчата* на перерывъ здоровались съ ней, обнимались, пищали, прыгали, лепетали, выговаривали ей, за чѣмъ она такъ долго не выходила на *улицу* съ ними веселиться; но Оксана, ласково отвѣчая на всѣ привѣты подружекъ, оглядывалась на всѣ стороны, ища кого-то при тускломъ свѣтѣ луны.

Парубки тотчасъ смекнули кого дѣвичьи очи ищутъ. Одинъ изъ нихъ по имени и прозванію Данило *Прудкій*, сынъ мельника, служившій прежде въ

*) Играть.

реестровыхъ козакахъ, развязный молодецъ, считавшійся первымъ смѣльчакомъ и краснобаемъ на селѣ, улыбаясь сказалъ Оксанѣ: «знаемъ, кого ты ищешь! — нѣтъ его, — потребовали въ Войсковую канцелярію, — сего дня туда уѣхалъ; но не знаемъ, когда воротится.»

Оксана потупила глазки, веселость ея вдругъ исчезла, рѣсницы ея сдѣлались влажными, плакать же она больше не могла, и то цѣлый день слезы лились ручьями, у нее на сердцѣ было очень тяжело. «Ну, такъ прощайте же, дома *батько* и *мати* дожидаютъ меня *вечерять*(*),» сказала она: потомъ, поворотясь и поникнувъ головою, съ стѣсненнымъ сердцемъ направила стопы къ воротамъ.

Сзади ея послышался легкій шорохъ и кто-то тихонько дернулъ ее за рукавъ. Полагая, что кто нибудь изъ веселыхъ *хлопцевъ* взду малъ шутить надъ нею, Оксана сер-

*) Ужинать

дпто отдернула руку и продолжала свой путь; какъ вдругъ зазвучалъ въ ея ушахъ знакомый голосъ: «ты не хочешь и глядѣть на меня, ты бѣжишь отъ меня моя Оксана!»—Сердце дѣвушки забилось отъ радости, какъ будто выпрыгнуть хотѣло, колѣна ея подкосились и на одну секунду она склонилась головою на плечо къ произнесшему волшебныя слова, всю кровь ея взволновавшія.

«Ахъ, милый мой Иванъ! Какъ ты испугалъ меня!» опомнившись, произнесла Оксана нѣжно. «Уменя и до сихъ поръ сердце трепещетъ, я думала, что ты теперь далеко, оченъ далеко отъ меня.»

Внезапное появленіе любезнаго ея Ивана привело въ такой восторгъ Оксану, что она долго глядѣла на него съ неизъяснимою нѣжностію, какъ будтобы послѣ долговременной разлуки въ первый разъ только свидѣлась съ нимъ, и наконецъ кинулась къ нему въ объятія.

«Ага!!! . . . . Вотъ какъ она торопилась домой, а теперь и позабыла, что тамъ ее дожидаютъ!» закричала шумнымъ голосомъ разгульная толпа *парубковъ* и *дѣвчатъ*.

«Небось! Мы не изъ простаго десятка, не разъ обманывали Турка и Поляка, насъ не проведешь,» сказалъ Данило. «Нѣтъ Оксанушка! Напрасно ты отъ насъ скрываешься, Иванъ твой славный *парубокъ*! Мы всѣ за него ручаемся нашими головами!»

Иванъ Подкова, любезный Оксаны, мущина молодой, роста высокаго, съ правильными чертами лица, стройнымъ станомъ, обладалъ крѣпостію мышицъ и силою тѣлесною. Природа щедрою рукою излила на него свои дары, надѣливъ его прекрасными качествами души, даромъ слова, отличною способностію привлекать къ себѣ сердца другихъ и зрѣлымъ умомъ. Онъ былъ простой козакъ, но храбрый, отважный, предпріимчивый. Служивъ нѣ-

сколько лѣтъ въ реестровыхъ козакахъ, Подкова, пипомецъ брани, на ратномъ полѣ постигъ великую тайну воинскаго искусства, съ пистолетомъ, пикою и саблею въ рукѣ поражая Поляковъ, Молдовановъ, Тапаръ и Турковъ. Самоучкою выучился онъ грамотѣ — читать, писать; изучился языку Польскому и въ досужное время посвящалъ нѣсколько часовъ на прочитываніе книгъ о жизни и дѣяніяхъ славныхъ мужей, отпечатанныхъ на языкѣ Сарматовъ. Ожидая случая быть полезнымъ отечеству противъ непріятеля, Подкова питался собственными трудами. Обработывая скудный клочёкъ земли въ селѣ Лободѣ, онъ кормилъ престарѣлаго отца, согрѣвая сыновнею горячностію леденѣющую его кровь и покоя дряхлѣющія кости старца на мягкомъ лонѣ дѣтской любви.

Возвратясь опять къ сборному мѣсту, *парубки и дѣвчата* гурьбою,

въ разнообразномъ безпорядкѣ расположились на пыльной землѣ и на большихъ кучахъ навоза, выкидываемаго обыкновенно на улицу изъ овчарень и, распѣвая шумныя козацкія пѣсни, принялись за прежнія веселости. Оксана же внутри веселящейся группы помѣстилась на колѣнахъ у своего дорогаго Ивана, обвивая шею его кругленькими ручками и, прижимаясь къ груди его, осыпала уста милаго своего пламенными поцѣлуями чистѣйшей, невиннѣйшей любви.

Должно замѣтить, что на Украйнѣ и до сихъ поръ еще отражается отпечатокъ Патріархальной невинности. Тамъ, дѣвушкѣ любящей, нисколько не вмѣняется въ стыдъ или безчестіе, въ кругу подружекъ сказать своему избранному слова любви, сѣсть у него на колѣнахъ и, переливая изъ души въ душу нѣжныя изъясненія, цѣловать его; только отнюдь неболѣе..... Соблазнительныя вольности никакъ не поз-

воляюпся, и выходящій изъ границъ, предписываемыхъ законами стыдливости и ограждающихъ невинность, тотчасъ теряетъ цѣну въ глазахъ своей возлюбленной и цѣлаго общества. Почему Оксана, не подвергая опасности свою добрую славу и честное имя, безъ дальнихъ околичностей помѣстилась, какъ сказано, на колѣнахъ у своего суженаго и повѣдала ему сердечную тайну, столько тяготившую грудь ея.

«Милый мой дружокъ!» сказала она: устремивъ на него прекрасные огненные глаза, въ которыхъ во всемъ блескѣ обитали любовь и невинность, и воздымая полныя груди, воспитанныя рукою природы. «Ты еще не вѣдаешь, что твою голубку хочетъ захватить въ свои кохти хищный ястребъ. Сего дня утромъ богатый Саранчукъ сватался на мнѣ — проклятый говоритъ, будтобы видѣлъ меня въ Церкви — сама не знаю, когда и какъ я попалась ему

на змѣиныя очи; случилось же такое несчастіе! Бѣда неминучая да и только! Погубитъ онъ меня безвременно, понапрасну! Куда мнѣ дѣться! Ахъ!! .... въ будущее воскресенье обѣщалъ онъ быть къ намъ. Отецъ безъ памяти отъ его богатства—точно какъ шальной — ему на яву и во снѣ мерещится золото Саранчуково. Мачиха моя—дай Богъ ей здоровье, добрая женщина! вѣчно буду за нее Бога молить—стала было приводить на разумъ отцу, что у Саранчука золото нечистое, что онъ водится съ лукавымъ, что онъ поганый бусурманъ, нехристь, и въ Бога истиннаго не вѣруетъ; такъ куда тебѣ — и слушать нехочетъ, глотку затыкаетъ кулакомъ и *батогомъ* хлещетъ по ушамъ.» «Брешутъ злые люди на богатаго человѣка изъ зависти!» — «кричитъ *батько* на чемъ свѣтъ стоитъ:» — «я душу свою готовъ отдать за него, готовъ поцѣловать образъ, готовъ присягнуть въ Церкви—Саран-

чукъ предобрая душа! Не много теперь найдешь на бѣломъ свѣтѣ такихъ Христіанъ, каковъ Онуфрій Каллистратовичь!» «Сегодня въ плугѣ ярмо волы сломали, самъ же *батько* виноватъ, заглядѣлся на *чумаковъ*, его и жмякнуло, опрокинувшимся плугомъ объ землю, какъ мячикъ. Онъ озлился — и ну, поропть меня *батогомъ*! Всю спину исписалъ до крови; я думала, что и души живой во мнѣ не останется, на силу ушла отъ него въ воду, цѣлый день деньской крошки во рту не было. Господи, Боже мой! Въ чемъ я провинилась! За что на меня такая напасть! . . . . . .» Слезы полились ручьями и рыданія прервали слова ея.

Иванъ измѣнился въ лицѣ, не могъ выговорить ни слова, у него языкъ онѣмѣлъ отъ гнѣва, весь свѣтъ въ эту минуту для него исчезъ. Онъ только видѣлъ слёзы своей Оксаны и, осушая ихъ жаркими поцѣлуями, мыслилъ исцѣлить боль ея отъ отцевскихъ по-

боевъ чуднымъ дѣйствіемъ волшебнаго бальзама любви и на груди своей успокоить сердце милой, расперзанное жестокими страданіями.

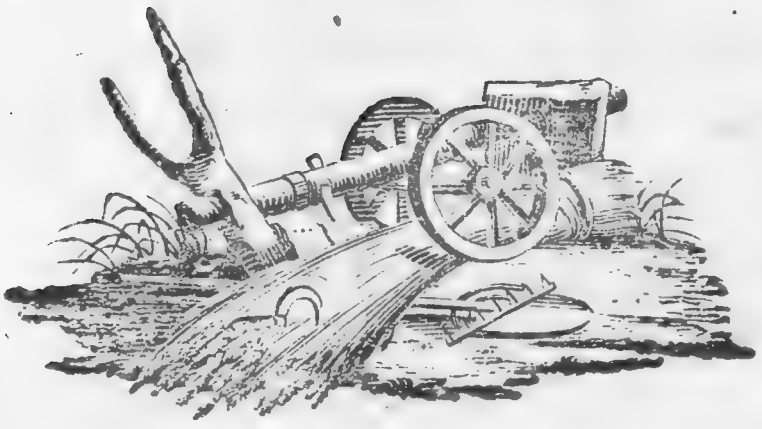
«Ахъ онъ злодѣй, разбойникъ, негодный еретикъ!» закричали всѣ *парубки* въ одинъ голосъ. «Саранчуку ли жениться на этакой красоточкѣ, его ли постной рожѣ такой лакомый кусочекъ, откуда онъ взялъ въ голову отбивать невѣсту у нашего добраго товарища? Нужды нѣтъ, что онъ богатъ и знается съ чертями, а мы пересчитаемъ ему ребра, хоть онъ обгородись цѣлымъ *пекломъ*.»

«Захотѣли вы добра,» сказалъ Данило *Прудкій*,» отъ поганаго Тапарина, отъ перекреста, у него и морда *Кателицкая*(*).—Говорятъ: онъ съ висѣлицы сорвался въ ордѣ, прибѣжалъ къ намъ, перекрестился въ нашу вѣру, выгналъ себѣ въ лѣсу хоромину, какъ у замор-

*) Испорченное слово, Католическій—бранное.

скаго Царя; — а какъ наживалъ богатство, про то зналъ самъ чертъ, его родной братъ, теперь же и мы знаемъ.»

«Разскажи Данило, разскажи и намъ!» прожужжали разные голоса.



* * *

«Вотъ видишели,» началъ Данило: «всѣ думали, что у Саранчука въ глубокихъ погребахъ *пекельный дядюшка* по ночамъ объѣзжаетъ своихъ вороныхъ, и если кому нибудь изъ крещенныхъ людей, запоздавъ въ полѣ, приходилось ночью итти мимо хутора Саранчукова, тотъ, зажмуря глаза, бѣжалъ безъ оглядки, крестясь и читая:» «*да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!*» «Тутъ и черная кошка мяукала, и бѣлая сука клубкомъ перевертывалась, коровою прикидывалась, и сова огненными глазами сверкала, и воронъ каркалъ, и вѣдьма на помелѣ гуляла, и жабы летали, да и мало ли чего было:» «*у страха очи велики!*» Признаюсь, мнѣ никогда не удавалось видѣть такого дива, охота шибнула *хлопца* позѣвать на *вѣдьмъ*

и *болотныхъ дядюшекъ*, чтобы послѣ смѣло разсказывать, прибавляя: я самъ видѣлъ своими очами.

Противъ самаго Ивана *Купала*, возвращаясь съ *улицы* домой на мельницу, уже подъ хмѣлькомъ, я пробрался черезъ лѣсъ къ хутору Саранчука, подошелъ близко къ его дубовому частоколу — охъ!!! . . . у меня сердце *такъ и замерло. Думая, что не* чистая сила тутъ же и начнетъ тѣшиться надо мной, я началъ усердно креститься, обѣщая поставить рублевую свѣчку къ образу Спаса, и хотѣлъ было направить лыжи. Вдругъ послышался голосъ какой-то не людской — медвѣжій; — у меня голова пошла въ кругъ, свѣтъ выкатился изъ глазъ, волосы стали дыбомъ, весь хмѣль изъ головы вылетѣлъ и я приготовился уже отдать Богу душу.

Не умѣю вамъ пересказать: стоялъ ли я, шелъ ли, бѣжалъ ли, летѣлъ ли, — только помню какъ восиѣ,

что желѣзныя петли заскрипѣли, будто ворота отворились въ *пекло*; — меня по лбу такъ треснуло, что искры изъ очей посыпались, какъ на наковальнѣ отъ раскаленнаго желѣза и я перекувырнулся черезъ голову. Мнѣ тогда показалось, что черти кинули меня въ котёлъ съ горячею нефтью и я, какъ Каинъ, дожидался, когда начнутъ поджаривать котелъ и топить изъ меня сало. Такимъ образомъ прошло нѣсколько времени; но мнѣ не дѣлалось жарче, а стала дрожь пронимать.

Тогда я отважился выткнуть изъ рукава конецъ мизинца, попробовать не горячо ли около меня; потомъ мало по малу высунулъ цѣлый палецъ, другой, третій, цѣлую руку и, вмѣсто кипячей нефти, захватилъ горсть земли. Открывъ глаза наудачу, я увидѣлъ, что *стрякъ*(*) на мнѣ цѣлъ, сапоги пѣже самые, шапка лежала около меня, волосы на

*) Армякъ.

головѣ нисколько не обожжены и сѣрою ни откуда не вѣяло. Поднявшись на ноги, я отряхнулся и, озираясь кругомъ, разглядѣлъ небо, звѣзды, лѣсъ, высокій частоколъ, ворота Саранчуковы; а у воротъ, какъ будто стоялъ человѣкъ, весь *бѣлый*.

Я подумалъ: нѣтъ; *чертъ Иванычъ!* Нѣтъ; дорогой мой пріятель! *Въ другой разъ ты меня уже* не обморочишь, теперь я самъ ученъ, дамъ и тебѣ сдачи, только замахнись. — Выломилъ дубину и, на цыпочкахъ, тихохонько подъѣхалъ къ этому *дядюшкѣ*, думая: вотъ теперь я увижу диковинку — не тутъ-то было! У воротъ стоялъ, какъ столбъ подпорный, человѣкъ въ бѣлой сорочкѣ, такой же, какъ и я грѣшный. На рукахъ у него были пальцы, на ногахъ сапоги, голова безъ рогъ, съ большимъ *губомъ*, да и лице знакомое. Тогда я началъ его слегка подталкивать, приговаривая: эй! землякъ! землякъ! что ты тутъ слуша-

ешь шмелей? шевелись что ли? да ну, очнись Демьянъ Безпаланный?»

«А? а? а? это ты Данило?» «вскрикнулъ онъ, будтобы просыпаясь послѣ страннаго сна и началъ ощупывать меня съ головы до ногъ.»

«Кому же быть другому? Ты видишь передъ собой съ тѣломъ и душею Данила *Прудкаго.*»

«А мнѣ почудилось, что я провалился скозь землю! Нелегкая тебя подвесла на эту пору, когда я прыгнулъ за ворота! Ты братъ, такъ треснулъ меня своимъ лбомъ, что двѣнадцать мѣсяцевъ сверкнуло въ моихъ очахъ.»

«Разскажи мнѣ Демьянъ Безпаланный, какъ ты попалъ сюда, ты совсѣмъ было запропастился, намъ сказывали, что ты записался въ *гайдамаки* (*).»

«Э? ты хочешь знать, какъ я попалъ въ эту чёртову западню? Такъ

(*) Праздношатающійся и добывающій себѣ пропитаніе непозволительными средствами.

уйдемъ же отсюда поскорѣе — голосъ проклятаго Саранчука и толчокъ его въ затылокъ мой до сихъ поръ отзываются въ ушахъ, какъ будто въ Кіевѣ, о Пасхѣ, звонятъ къ заутренѣ; а отъ поцѣлуя твоего совсѣмъ за сохло въ горлѣ и языкъ не ворочается, какъ на Іорданѣ, о Крещеніи. Коли хочешь слушать, пойдемъ къ Лейбѣ,— тамъ все разскажу.»

«Въ шинокъ дорогу намъ не нужно было спрашивать, мигомъ туда мы прибѣжали, крича громко: отвори *сучій* жидъ! Вслѣдъ за тѣмъ начали стучать изо всей мочи въ двери дрянной хатки, около которой, какъ вы знаете, не замѣтно ни одного колушка показывающаго примѣты, бывшаго прежде когда либо двора.»

«Кто тамъ такъ поздно *стучится!*» «отозвался голосъ между четырьмя стѣнами, отъ сильнаго вѣтра шатавшимися, поднялось маленькое окошечко и баранья голова съ козлиною

бородою, оттуда высунувшись, проблеяла.» «А! *сезъ* панъ Данило, а другаго пана не распознаю!»

«Да отворяй *псиная вѣра* закричали мы пуще прежняго. Не то — мы хату твою спихнемъ къ чертямъ въ болото и весь твой жидовскій родъ упрятаемъ въ *пекло* на самое дно, вздумалъ еще растабаривать, когда козацкія души совсѣмъ замерзли отъ ночной росы.»

«*Тотцасъ*; дайте срокъ; *засвѣцу каганець* (*)!»

«Э, братъ! сказалъ я: — недождемся мы никакого толку отъ Иродоваго племени, давайка примемся за работу — дружно уперлись спинами — двери какъ не бывало, съ косяками грянула въ сѣни.»

«Ай, *ваймиръ*! Ай, *ваймиръ*! *Боже* Авраамовъ, Исааковъ и Іаковлевъ! *Цто* это *значитъ*! Караулъ, караулъ, *ночной* разбой!» завизжалъ жидъ, попавшій

*) Плошка.

подъ дверь. Впрочемъ бестія, живущъ какъ кошка, препроворно оттуда выкарабкался и, выбѣжавъ на улицу, вздумалъ было своимъ собачьимъ визгомъ сзывать спящій народъ. Схватя его за горло, я сердито сказалъ: только пикни облупленная собака, то тутъ и душа твоя поганая вылетитъ вонъ, задавлю какъ гадину, давай намъ скорѣе *горѣлки!*»

«*За что же*, панъ Данило, такая напасть!» завопилъ жидъ отчаяннымъ голосомъ.» «*Человѣче Божій!* Не погуби *сина* Израилева, самаго *лучшаго* пѣннику мигомъ доставлю добрую кварту!»

«Вотъ я тебя окрещу, всѣ пейсики и бороду выщиплю! отвѣчалъ я, и однимъ толчкомъ заставилъ его стукнуться затылкомъ въ дно бочки. Какъ разъ и *явилась* цѣлая кварта пѣннику, клянусь, ниразу подобнаго непивалъ у проклятаго жида, духъ занялся, всю память отбило, съ ногъ сшибло *хлоп-*

цевъ, насилу мы съ Демьяномъ добрались до дна кварты, — я кинулъ шинкарю серебреникъ и потребовалъ сдачи.»

«*Не надозъ* мнѣ *ницего*, пейте на здоровье,» «сказалъ свиное ухо, снимая ярмулку и кланяясь въ самый поясъ,» «да не проходите мимо!»

«То-то же козлиное отродіе — такъ бы и давно — въ другой разъ не захочешь насмѣхаться надъ Христіанами; а то я сдѣлалъ бы изъ тебя чёрту дудку.»

«Отъ жида мы съ товарищемъ побрели домой; онъ дорогою разсказалъ мнѣ такъ, какъ я вамъ теперь перескажу.»

«Когда хата наша сгорѣла,» такъ началъ разсказъ свой Демьянъ:» «и тамъ, Царство ему небесное, изсушился покойный мой отецъ (ибо въ немъ нисколько не было мяса, а только кожа да кости); тогда я, сидя на обгорѣвшемъ пнѣ, посматривалъ на всѣ четыре стороны и трубилъ въ кулакъ. Въ

это время Саранчукъ, проходя мимо, спросилъ меня: «Что ты здѣсь дѣлаешь Демьянъ Безталанный?»

«Какъ изволишь видѣть Онуфрій Каллистратовичь, отвѣчалъ я, не множко озябъ такъ грѣюсь.»

«Не хочешь ли итти ко мнѣ, я найду тебѣ работу, кусокъ хлѣба будетъ готовый, цѣною останешься доволенъ, только не лѣнись работать, а пуще всего будь скроменъ, не выноси сору изъ хаты.»

«Зная, что все было со мною и терять болѣе уже нечего, я подумалъ, вѣдь онъ такой же Христіанинъ, какъ и другіе, какая же у него и работа какъ не Христіанская — согласился. Слово за слово я не увидѣлъ какъ мы очутились у воротъ, окованныхъ желѣзомъ. Саранчукъ постучался — брякнули запоромъ, и баба-яга отворила намъ, обнюхивая меня съ головы до ногъ и сверкая кошечьими глазами сво-

ими, какъ будто бы хотѣла съѣсть меня.»

«Это работникъ мой, бездомный сирота,» «сказалъ Саранчукъ старухѣ, показавъ на меня пальцемъ. Она, какъ вода прорвавшаяся изъ жерла, бормоча про себя какія-то мнѣ неизвѣстныя слова, пошла запирать ворота, а мы черезъ широкій дворъ, поросшій *бурьяномъ* (*), пришли въ свѣтлицу. Тамъ все было, какъ у самаго богатаго пана: стѣны бѣлыя какъ снѣгъ, образа въ серебряномъ окладѣ, передъ образами восковыя свѣчи, кругомъ стѣнъ чистыя, липовыя лавки, шкафъ съ каменною посудою, ножами, серебряными ложками, печка изразцовая, праздничные чекмени не изъ нашего, изъ заморскаго сукна и новые юфтовые сапоги. Саранчукъ вынулъ изъ погребца штофъ, налилъ стаканъ и, поднося мнѣ, сказалъ:» «выпей Демьянъ Безталанный, авось счастіе повер-

*) Дикая трава.

нется къ тебѣ лицемъ!» «Я ухнулъ его разомъ до дна — такъ и ошеломило — куда Лейбинъ пѣвникъ — и десятой доли не стоилъ противъ двойнику Саранчукова; все поднебенье и глотку какъ огнемъ опалило. Теперь давай работу, сказалъ я, и самаго чёрта загоню въ *пекло.*»

«Тогда Саранчукъ повелъ меня за руку въ темный чуланъ, поднялъ доску и началъ спускаться въ глубокій погребъ, приказывая и мнѣ за собою слѣдовать. Я заглянулъ въ дыру — такая глубина, что и дна не видно — мнѣ стало страшно и я попятился назадъ; но онъ напомнилъ мнѣ снова:» «не забудь Демьянъ Безталанный, что ты, можетъ быть, здѣсь найдешь свою долю!»

«Тутъ я перекрестился и полѣзъ ощупью по такой узкой лѣстницѣ, что едва только издыхающая собака могла пролѣзть. Уфъ! уфъ! кричалъ я на каждой ступенькѣ. Задушусь Онуфрій

Каллистратовичь! Пусти душу на покаяніе! Не тащи меня на тотъ свѣтъ!»

«А вотъ и конецъ, мы уже спустились въ погребъ,» «сказалъ онъ.»

«Вдали блеснулъ огонёкъ, какъ въ туманѣ. Только что успѣлъ я сойти съ послѣдней ступеньки на землю — очи мои ослѣпило какъ молніей—мѣди, серебра, золота лежали цѣлыя кучи. Я долго смотрѣлъ на нихъ, какъ оглашенный; потомъ отъ радости такъ захохоталъ, что чертямъ стало тошно, да и самъ испугался отголоска, раздавшагося въ закоулкахъ погреба.»

«Когда я дивился богатству Саранчука, онъ мнѣ сказалъ:» «видишь ли Демьянъ, я тебѣ правду говорилъ, что ты здѣсь найдешь свою долю? Хочешь ли работать у меня? Платы получишь въ годъ золотомъ и серебромъ, сколько въ состояніи понести за одинъ разъ. Но не забудь, что ты долженъ быть и глухъ, и нѣмъ, и слѣпъ — только пикни, только заикнись о томъ, что ты

здѣсь видѣлъ — и ты будешь выгнанъ съ пустыми руками, какъ и пришелъ сюда. Доносить на меня не заботься, ничего не боюсь, я заблаговременно приготовился ко всему, — нѣсколько часовъ и этотъ погребъ наполнится водою до самой лазѣйки, чрезъ которую мы сюда пролѣзли. Я тебя не принуждаю — избирай любое — или останься, *пособляй мнѣ работать и вмѣстѣ* со мною *пользуйся* богатствомъ, или же ступай грѣться въ своей хатѣ.»

«Не долго я думалъ — лукавый попуталъ—золото какъ жаръ горѣло, оно зажгло всю мою внутренность; да и кто не падокъ до денегъ — остаюсь, сказалъ я, дѣлай со мною что хочешь.»

«Помни же обѣщаніе,» «опять повторилъ онъ:» «уговоръ паче денегъ, знай, что провинность твоя отъ меня не скроется, *тутъ и стѣны съ ушами* и золото глядитъ.»

«Можешь понадѣяться на меня, какъ на дубовую стѣну — какъ на

каменную гору, отвѣчалъ я, клянясь ему.»

«Тогда Саранчукъ научилъ меня переплавливать серебро и золото и изъ Царской монеты, подмѣшавъ туда мѣди, выдѣлывать фальшивую — вовсе непримѣтный, самый безгрѣшный обманъ для простяковъ.» «Не все ли равно,» «твердилъ онъ:» «получать людямъ и отдавать изъ рукъ топъ или другой кружокъ золота.»

«Онъ правъ, подумалъ я, скоро взялся науки и началъ преусердно работать; хозяинъ былъ доволенъ мною и, часто отлучаясь изъ дому по дѣламъ, оставлялъ меня одного за работою.»

«Старая вѣдьма днемъ и ночью сторожила въ нашемъ жилищѣ, безпрестанно колдуя что-то про себя, сонъ и въ умъ ей не приходилъ; ни одинъ воробей не прилеталъ къ намъ на дворъ и не вылеталъ оттуда, чтобъ она

того не знала, кажется, она сосчитала всѣ звѣзды на небѣ.»

«Однажды вздумалось мнѣ осмотрѣть нашъ погребъ по хозяйски. Проходя вдоль стѣны съ фонаремъ въ рукахъ, я замѣтилъ въ одномъ мѣстѣ щель и сталъ пожимать тамъ обѣими руками — вдругъ щелкнуло и дверь отворилась въ пустую каморку — въ ней изъ стѣны торчалъ мѣдный кранъ. Я повернулъ ручку крана и въ одно мгновеніе окатило меня водою, какъ изъ бочки; повернувъ ручку въ противную сторону, я поскорѣе затворилъ дверь по прежнему и поставилъ фонарь на своемъ мѣстѣ. Тогда догадался я, какимъ образомъ Саранчукъ хотѣлъ наполнить водою свой погребъ, и тутъ же вспомнилъ о своемъ обѣщаніи. Ну, если на мою голову, да заглянетъ онъ въ каморку и узнаетъ что Демьянъ не сдержалъ своего слова — подумалъ я — конечно сгонитъ меня со двора, да и поминай какъ звали. Нѣтъ же! Демьянъ

Безталанный перехитритъ Татарина; коли пойдетъ дѣло на разладъ, отыщу мѣсто, откуда проведена вода и закалочу трубу желѣзомъ. Тогда бусурманъ только мизинцемъ кивни на меня, тотчасъ донесу въ Войсковую канцелярію и прощайся съ денежками! Мигомъ надѣлъ я сухое бѣлье и, какъ ничего не бывало, сталъ расхаживать по двору, насвистывая буд-то въ лѣсу за орѣхами; но вдругъ на мою бѣду самъ хозяинъ застучалъ въ ворота.»

«Все ли у насъ благополучно?» «спросилъ онъ, глядя на меня такъ пристально, какъ буд-то бы на моемъ лбу написана была провинность. Я задрожалъ отъ страху и, чтобы не проговориться, пробормоталъ что-то себѣ подъ носъ. Саранчукъ же, точно бѣсъ шепнулъ ему на ухо, тотчасъ догадался, отъ чего я оробѣлъ, и бросился прямо въ погребъ. У меня сердце такъ и іокнуло, я незналъ что дѣлать: бѣжать или остаться — какъ

услышалъ голосъ хозяина:» «такъ-то ты бездѣльникъ держишь свое слово, за чѣмъ ты ходилъ въ каморку, гдѣ вода впускается?»

«Да я туда и не заглядывалъ — помилуй панъ дорбодѣй!»

«Пошелъ вонъ мерзавецъ, ты мнѣ не нуженъ!» «проревѣлъ онъ страшнымъ голосомъ. Схвативъ жилистою рукою за воротникъ моей сорочки, который вмѣстѣ со спинкою остался у него въ рукахъ, онъ выполкнулъ меня въ затылокъ на улицу, гдѣ мы съ тобою поцѣловались и запили потомъ свою злую долю у Лейбы.»

«Самъ Демьянъ Безталанный подтвердитъ вамъ мои слова, если вы сомнѣваетесь,» прибавилъ Данило, увидя, написанную на лицахъ его слушателей, недовѣрчивость.

Дюжій дѣтина высунулся изъ толпы, потряхивая головою, какъ будтобы шапка его не крѣпко держалась на оной, одна рука его была за пазухою, а дру-

гая за поясомъ. Онъ клятвою подтвердилъ истину всего, сказаннаго его товарищемъ.

Не проронившій ниодного слова изъ разсказа Данила, Иванъ Подкова долго думалъ, приложа палецъ ко лбу, потомъ вдругъ произнесъ: «хорошо же мы сыграемъ надъ Саранчукомъ козацкую штуку! Безъ сомнѣнія, онъ давно задарилъ всѣхъ въ Повѣтовой и Войсковой канцеляріяхъ; для своей же безопасности теперь оговоритъ Демьяна въ судѣ — это вѣрно. И потому Безталанный днемъ непремѣнно долженъ скрываться гдѣ нибудь въ ближнемъ лѣсу, а ночью стараться отыскивать мѣсто, откуда проведена вода въ погребъ съ золотомъ, такъ какъ ему наиболѣе извѣстно мѣстоположеніе жилища Саранчука, за которымъ мы всѣ по очереди будемъ надсматривать, дабы онъ не успѣлъ куда либо перевезти своего богатства и потомъ скрыться. Коль скоро Демьянъ отъ-

щетъ источникъ, изъ котораго идетъ труба въ погребъ, тотчасъ заколотитъ ее. Тогда вмѣстѣ съ нимъ явимся въ судъ, все разскажемъ, намъ дадутъ сотню козаковъ, мы окружимъ въ расплохъ Саранчука спящаго и обыщемъ его какъ слѣдуетъ, — онъ голубчикъ отъ насъ не улизнетъ.»

Между тѣмъ, «милая Оксана!» сказалъ онъ, обращаясь къ своей любезной:» *ты упомянула, что мачиха несогласна на твое замужство съ Саранчукомъ. Мы употребимъ ее въ свою пользу, чтобы время твоей свадьбы какъ можно долѣе проволочить; ибо я никакъ не надѣюсь, чтобы отецъ посовѣтовался когда либо съ твоимъ сердцемъ. Золото такъ ослѣпило его, что онъ дочь свою родную готовъ продать самому Турку.*»

«Ахъ, *милый мой Иванъ!*» отвѣчала Оксана. «Я боюсь, что бы не выдали меня за противнаго пере-

креста, прежде чѣмъ ты успѣешь въ своемъ дѣлѣ.»

«Тебѣ быть женою этаго мошенника, вора!» вскричалъ онъ въ исступленіи. «Никогда! скорѣе Иванъ Подкова сдѣлается Тапариномъ — не такъ ли братцы?»

«О! мы прошколимъ его добрымъ порядкомъ!» зашумѣли *парубки* въ одинъ голосъ, смѣшавшійся съ пискомъ *дѣвчатъ*. Иванъ и Оксана остались ими очень довольны и, благодаря своихъ товарищей за усердіе, съ надеждою въ душѣ на будущій успѣхъ возвратились въ свои хаты.

* *
*

Въ Воскресенье послѣ заутрени, только что выгнавъ свою корову въ стадо, Мандрыка приказывалъ женѣ почище убрать въ хатѣ, а дочери при нарядиться въ праздничное платье, какъ вдругъ за дверью отозвался толстый голосъ: «добрый день православные Христіане!» Съ сими словами вошелъ въ хату мужичина, росту вершковъ двѣнадцати и болѣе аршина ширины въ плечахъ. На немъ былъ чекмень изъ зеленаго тонкаго сукна, пестрый шелковый платокъ, поясъ красный, пестрые шаровары, сапоги желтые сафьяновые и высокая шапка съ верхушкою изъ краснаго сукна, которою онъ задѣвалъ за самый потолокъ. Широкое лице съ выдавшимися скулами, плоскій носъ и узкіе глаза пока-

зывали человѣка Могольскаго происхожденія. На челѣ его рѣзкими чертами прорѣзывался отпечатокъ души, закоснѣвшей въ злодѣяніяхъ и слѣпомъ фанатизмѣ поклонниковъ Магомета. Въ глазахъ его ясно можно было читать, что онъ изъ крайности сдѣлался Христіаниномъ, дабы подъ завѣсою новой религіи скрыть безконечный рядъ прежнихъ беззаконій, и умножить ихъ новыми. Это былъ первый богачъ во всей Малороссіи, извѣстный Саранчукъ.

Ѳедоръ Мандрыка и даже его высокая хозяйка глядѣли на него, поднявъ голову къ верху, какъ буд-то на деревенскую колокольню.

«Просимъ покорнѣйше садиться дорогой нашъ Онуфрій Каллистратовичь, вотъ тутъ,» сказалъ Ѳедоръ, вытирая лавку полою своей *свитки* (*) въ переднемъ углу хаты.

«Гдѣ же моя нареченная невѣста — какъ бышъ имя?»

*) Полукафтанье.

«Оксана во святомъ Крещеніи, панъ добродѣй!«

«Ну, Оксана Ѳедоровна, здорова ли она, чтожъ ее нигдѣ не видно?»

«Она у насъ, знаете ли, панъ добродѣй! такая стыдливая, дурочка, еще молода, не умѣетъ обходиться съ панами, все трется около матери, не вѣкъ же съ отцемъ да съ матерью жить, надобно привыкать и къ доброму мужу. Не такъ ли Онуфрій Каллистратовичъ, сами изволите знать, вы люди грамотные и за моремъ бывали?»

Въ это время Оксана, прятаясь за матерью въ углу около дверей, хотѣла ускользнуть въ огородъ. Но отецъ, замѣтивъ ея попытку, подбѣжалъ къ ней проворно, сентябремъ посмотрѣлъ, погрозился кулакомъ и, дернувъ ее за руку, сказалъ. «Оксана, да подойди же къ своему жениху, будущему мужу, поздоровайся съ нимъ.»

Дѣвушка еще больше оробѣла и начала упираться; отецъ взбѣсясь больно

ущипнулъ ее за жирное мѣсто. Она вскрикнула и, не желая подвергаться дальнѣйшимъ испытаніямъ, пошла за отцемъ къ переднему углу, гдѣ сидѣлъ Саранчукъ.

Послѣдній, глядя на прекрасную дѣвушку, споявшую передъ нимъ съ потупленными глазами, на лицѣ коей изображалась непорочность, пожиралъ очами обворожавшія прелести и, удивляясь нечаянному ея крику, спрашивалъ тому причину.

На что Ѳедоръ ему отвѣчалъ: «отъ радости, панъ добродѣй! дѣвчина закричала, что увидѣла васъ у себя въ хатѣ и что скоро будетъ женою вашей милости.»

«Вѣдь, *батько* твой правду говоритъ, Оксанушка?» продолжалъ онъ, гладя ее по щекамъ. Чтожъ ты молчишь — говори: здравствуйте Онуфрій Каллистратовичъ.»

Дочь едва внятно шепотомъ повторила слова отца.

«Я очень рада, что вы сегодня у насъ.»

«Я очень не рада, что вы сегодня у насъ.»

Отецъ опять ущипнулъ ее за тоже самое мѣсто и шепнулъ на ухо *исторію* о *батогѣ*. Дочь чуть чуть скрѣпилась, чтобы опять не закричать.

«*Надѣюсь, что вы никогда не оставите насъ,*» продолжалъ Ѳедоръ.

«Надѣюсь, что вы навсегда оставите насъ.»

Отецъ ущипнулъ ее три раза, нашептывая страшныя ругательства, и посматривая съ боязнію на Саранчука, не замѣтилъ ли онъ, что дочь совсѣмъ превращаетъ смыслъ отцевскихъ рѣчей.

У дочери слезы на глазахъ навернулись, но она все еще крѣпилась, опасаясь угрозъ отцёвскихъ.

«Дай Богъ вамъ счастіе и вѣкъ долгій.»

«Дай Богъ вамъ несчастіе и вѣкъ не долгій.»

Тутъ Ѳедоръ вышелъ уже изъ себя, началъ щипать Оксану безъ счету, даже готовъ былъ вцѣпиться ей въ волосы и отхлопать по щекамъ; но дѣвушка, будучи не въ состояніи долѣе выдерживать мучительную пытку, испустила пронзительный крикъ и залилась горькими слезами.

«Ну, что ты будешь дѣлать съ этими бабами,» сказалъ Ѳедоръ, «нѣтъ жениховъ — плачутъ, итти за мужъ ревутъ; разгадай ихъ: не хочется, дискать, съ родительскимъ домомъ разставаться, какъ итти въ чужую осѣдлость; а поживетъ — привыкнетъ, полюбитъ мужа пуще родителей.»

Не слыша словъ дѣвушки и не понимая причины ея крику и слёзъ, Саранчукъ взялъ ее за руку и, цѣлуя въ лобъ, сказалъ: «не плачь моя голубка, я не стану обижать тебя, мы заживемъ, какъ рыба съ водою, къ родите-

лямъ твоимъ часто будемъ ходить, въ силахъ я еще крѣпокъ и проживу долго. — Когдажъ мы назначимъ свадьбу?»

«Хоть сегодня,» отвѣчалъ Ѳедоръ, «за нами дѣло не стало, въ церковь, да и подъ вѣнецъ.»

«Что ты Ѳедоръ, въ умѣ-ли, человѣкъ Божій!» возразила жена его, до сихъ поръ не принимавшая участія въ разговорѣ. «Какъ это можно, чтобы я отдала дочь свою, хотя и не родную, что называется въ одной рубашкѣ, надобно прежде одѣть ее какъ слѣдуетъ, похристіански, развѣ ты не знаешь, что у нее нѣтъ даже и порожняго сундука?»

Мужъ посмотрѣлъ — было на нее сердито и погрозился; но жена отвѣчала ему тѣмъ же, и онъ молча ушелъ въ уголъ, съ досады ломая руки и скрежеща зубами.

«Притомъ же,» продолжала Параска, кидая любовные взгляды на Саранчука и выказывая всё деревенское кокет-

ство: «теперь, какъ вы сами изволите знать, Онуфрій Каллистратовичь, пора рабочая; что люди добрые скажутъ, когда мы станемъ плясать вмѣсто того, чтобы косить траву и жать хлѣбъ? Вѣдь зимою прійдется трубить въ кулакъ, когда не успѣешь во время собрать жито; денегъ не станешь ѣсть; какъ ни судите, а по моему, и передъ Богомъ грѣшно, и передъ людьми стыдно затѣвать свадьбу въ такое время.»

«И въ самомъ дѣлѣ,» подхватилъ Саранчукъ: «Параска говоритъ правду, а мы объ этомъ прежде и не подумали; я согласенъ отложить свадьбу до осени.»

«Ну быть по вашему, коли такъ, и я согласенъ,» сказалъ Ѳедоръ, морщась на жену, какъ будто-бы, съ большаго похмѣлья, выпилъ цѣлую кружку самаго кислаго *сыровцу* (*), и съѣлъ соленый огурецъ.

*) Квасъ хлѣбный.

Оксана ушла въ огородъ, залѣзла въ густоту хмѣлемъ поросшихъ калиновыхъ кустовъ, мрачность которыхъ согласовалась съ состояніемъ печальной ея души, и проплакала тамъ цѣлую обѣдню. Чувствуя сильную боль отъ нѣжныхъ отцевскихъ щекотаній, и пользуясь уединеніемъ и темнотою мѣста, она произвела изслѣдованіе и ужаснулась, увидя всѣ нѣжныя мѣста облившіяся кровью. Слезы вдругъ остановились, какъ будто-бы источникъ ихъ изсякъ, жестокость отца поселила въ нее самую отчаянную мысль: еслибы по близости кустовъ находился прудъ или рѣка; то можетъ быть она и прекратила бы свое бѣдственное существованіе. Наконецъ, изнемогая подъ тяжестію самыхъ горестныхъ воспоминаній, она облокотилась рукою на кустъ и, склонивъ прелестную свою головку на роскошную грудь, погрузилась въ глубокій сонъ.

Послѣ многихъ пріятныхъ сновидѣній вдругъ чувствуетъ легчайшее прикосновеніе, какъ будто бы мимо летящаго Зефира, который нечаянно наткнулся на спящую красавицу, и вздумалъ порѣзвиться шалунъ на ея пылающихъ ланитахъ; полураскрываетъ глаза, что-то знакомое мерещется; она все еще воображаетъ видѣть продолженіе сновидѣнія; но жаркій поцѣлуй, напечатлѣнный на прелестныхъ устахъ, выводитъ ее изъ сладкаго забвенія!! . . . . .

«Ахъ! это милый мой Иванъ!» вскрикнула она отъ радости. «Я совсѣмъ не ожидала тебя, какъ ты такъ тихонько подкрался, кто сказалъ тебѣ, что я здѣсь.»

«Выслушай голубушка моя!» отвѣчалъ ей Иванъ.

«По окончаніи обѣдни я сталъ у дверей и не пропустилъ ни одной живой души, пристально заглядывалъ въ глаза каждой женщинѣ, опасаясь прозѣ-

вать тебя. Когда церковь опустѣла, я опять вошелъ въ нее, пересмотрѣлъ всѣ углы, но нигдѣ не видно и слѣдовъ моей Оксаны. Старостa подошелъ ко мнѣ спрашивая: нехочу ли я украсть чего нибудь въ церкви, такъ долго шатаясь изъ угла въ уголъ безъ всякаго дѣла, «пошелъ вонъ,» «прибавилъ онъ:» «тебѣ нечего здѣсь дѣлать, я запру церковь.» «Подумай Оксана, какъ мнѣ было больно! Еслибы не въ такомъ мѣстѣ; то я отплатилъ бы этому старому дѣду; но время было дорого и я опрометью пустился изъ церкви. Не знаю, гдѣ я бѣжалъ, только помню, что опрокинулъ нищую, попавшуюся мнѣ подъ ноги. Потомъ испугалъ быковъ, которые съ возомъ, наполненнымъ вишнями, бросились въ сторону и провалились въ землянку бабы Макогонихи, оттуда посыпались неслыханныя ругательства—я вытянулъ ноги пуще прежняго и прямо стукнулся лбомъ въ ваши ворота. Тогда опомнясь началъ пос-

матривать не увижу-ли кого; но припоминая, что Саранчукъ обѣщалъ быть къ вамъ сегодня въ гости, я тотчасъ подумалъ, что увасъ теперь отъ него должны быть сваты, и что я буду тамъ совершенно лишній; а потому рѣшился пробраться въ огородъ и здѣсь дожидаться, пока не увижу тебя. Мнѣ было душно отъ солнечнаго зною, я искалъ прохлады въ тѣни калины, спѣшу сюда отдохнуть, и нечаянно нахожу тебя.»

Вслѣдъ за симъ Оксана разсказала своему сердечному другу: какимъ образомъ она должна была за отцемъ, передъ угрюмымъ Саранчукомъ, произносить любовныя изъясненія, какъ будто школьникъ передъ дьячкомъ вирши, приготовленную имъ для поздравленія съ новымъ годомъ, и за то, что языкъ произносилъ противное, самыя невинныя части тѣла ея жестоко пострадали.

Иванъ едва имѣлъ терпѣніе выслушать до конца, посинѣлъ отъ гнѣва, схвативъ дубину, закричалъ страшнымъ голосомъ: — «Гдѣ этотъ проклятый Татаринъ, я ему всѣ ребра переломаю, косточки цѣлой неоставлю!» — и хотѣлъ бѣжать вонъ изъ огорода.

Но испуганная Оксана, схвативъ его обѣими руками за полу, нѣжнымъ и дрожащимъ голосомъ сказала: «милый мой Иванъ! что ты хочешь дѣлать; не забудь, что Саранчукъ гораздо сильнѣе тебя; помни, что если тебѣ не удастся обвинить его въ судѣ: тогда Оксана твоя погибла; ее повлекутъ къ алтарю, какъ жертву на закланіе.»

«И въ самомъ дѣлѣ» — отвѣчалъ Иванъ, сжимая ее тѣсно въ своихъ объятіяхъ: — «ты открыла мнѣ глаза; а я въ запальчивости, чуть было не испортилъ всего дѣла; тогда какъ оно идетъ уже къ концу. Знаешь ли что:»

— продолжалъ онъ, сажая ее бережно на мягкую траву: — «нашъ Демьянъ Безталанный лихой *хлопецъ*, удивительно работаетъ, настоящія чудеса творитъ. Послѣ многократныхъ ночныхъ прогулокъ, ему наконецъ удалось открыть мѣсто на берегу рѣки, откуда проведена труба въ погребъ богача. Битыхъ пять ночей Демьянъ таскался около огорода Саранчука по пустому; но вчера, услышавъ шумъ человѣческихъ шаговъ въ его огородѣ, онъ прилегъ подъ тыномъ, мастерски притворился, едва духъ переводилъ; ночь же была темная, хоть глазъ выколи. Вышедшій изъ огорода Саранчукъ сколько ни глядѣлъ, сколько ни озирался, но не могъ примѣтить Безталаннаго; осмотрѣвъ трубу, онъ возвратился обратнымъ путемъ домой. Черезъ нѣсколько времени Демьянъ полагая, что скряга удалился уже на покой, вздумалъ было по его примѣру опуститься въ воду, и, сдѣлавъ тамъ

надлежащій осмотръ, произвести въ трубѣ нѣкоторыя измѣненія по своему усмотрѣнію; на сей конецъ онъ запасся молоткомъ и толстыми желѣзными прутьями. Но въ торопливости поскользнулся на самомъ берегу, и, упавши въ рѣчку, произвелъ большой шумъ, далеко раздавшійся при тишинѣ ночной. У Саранчука вѣрно чутье собачье, онъ тотчасъ пронюхалъ дичину, и, не смотря на глубокую темноту ночи, опасность свалиться гдѣ нибудь въ яму, и сломить себѣ шею, со всѣхъ ногъ бросился черезъ огородъ къ рѣкѣ. Демьянъ, явственно слыша шаги бѣгущаго человѣка, и, безъ сомнѣнія, справедливо догадываясь, что не на помощь къ нему бѣжали, поскорѣе выкарабкался изъ воды, и далъ тягу въ лѣсъ. Вдали онъ слышалъ угрозы Саранчука, раздававшіяся по гладкой поверхности воды, и повторявшіяся въ густотѣ лѣса, по всему зарѣчью.

Но сей часъ я узналъ, что Саранчуку должно ѣхать къ отвѣту, въ Войсковую Канцелярію, по какому-то казенному дѣлу. Пріѣхавшій за нимъ вмѣстѣ съ Засѣдателемъ Козакъ, мой двоюродный братъ, попался мнѣ на встрѣчу, когда я шелъ въ церковь, и разсказалъ: какъ они передъ обѣднею прискакали къ Саранчуку, совсѣмъ не ожидавшему дорогихъ гостей. Какъ только они уѣдутъ, *тутъ-то* мы и постараемся спроворить наше дѣло; а тамъ, какъ Саранчукъ ничего не будетъ знать ни сномъ ни духомъ, мы нагрянемъ къ нему прямо на дворъ, обыщемъ погребъ, да и потянемъ раба Божія въ судъ.»

Занимаясь разговоромъ, любовники вовсе не обращали вниманія на окружающіе предметы; какъ вдругъ Параска, подойдя къ кустамъ, спросила: «скажи пожалуй Оксана! похоже ли это на дѣло, что ты забилась въ калину и не откликаешься, обѣдать давно пора,

не могла тебя дождаться. А! а! а!» воскликнула она, увидя Ивана: «да ты здѣсь не одна — вотъ причина, зачѣмъ ты не отзывалась; когда милый дружокъ подъ бокомъ, я думаю, мало нужды, хоть земля кругомъ гори.»

«Видано ли это гдѣ нибудь,» продолжала она, обратясь къ Ивану: «дѣлаютъ ли такъ добрые люди, чтобы отбивать чужихъ невѣстъ?»

«А ты голубушка забыла, что у тебя есть женихъ; такъ-то ты слушаешься отца да матери; подумай, что скажутъ люди, когда узнаютъ, что ты тихонько отъ родителей *женихаешься* въ огородѣ. Свадьба твоя уже назначена, тебѣ надобно дорожить богатымъ женихомъ; или думаешь, что онъ станетъ гоняться за тобой узнавъ, что у тебя есть любовникъ—ни сколько— онъ и глядѣть на тебя не захочетъ; тогда нѣтъ тебѣ житья отъ отца.»

«Того - то мнѣ и хочется,» отвѣчала ей Оксана: «чтобы Саранчукъ

отсталъ отъ меня; этимъ онъ, болѣе всего, обрадуетъ меня; а поведеніе мое, Богъ видитъ, ни сколько не безчестно ни для меня, ни для родителей. Ивана я люблю отъ души, и онъ меня также, наединѣ мы только въ первый разъ — онъ спѣшилъ ко мнѣ съ радостною вѣстію. Пускай самъ разскажетъ: я не умѣю такъ хорошо пересказать.»

Обиженный любовникъ нахмурилъ брови, и готовъ былъ уже сдѣлать Параскѣ порядочный отпоръ за оскорбленіе его любезной; но Параска замѣтя, по сверкавшимъ его глазамъ, что происходило у него въ душѣ, сказала ему ласково.

«Не сердись Ванюшка! я только пошутила, а ты и въ правду горячо принялъ: *не всякое слово въ строку*. Сохрани Богъ! чтобы я думала худо объ своей падчерицѣ; на селѣ всѣ знаютъ, что ты хорошій *парубокъ*; порадуй же и меня доброй вѣсточкою.»

Иванъ, смягченный словами Параски, а болѣе умильнымъ взглядомъ своей возлюбленной, разсказалъ въ другой разъ всѣ подробности, какія только доселѣ были извѣстны ему, на счетъ Саранчука.

Параска не могла хладнокровно выслушать разсказъ Ивана—казалось, аханіямъ ея не будетъ конца. Желаніе завладѣть мѣшками Саранчука такъ было въ ней сильно, что она, навсегда потерявъ надежду когда либо обладать ими, забыла и *борщъ*, и пироги въ сметанѣ, а только безпрестанно твердила: «кто могъ бы подумать — Саранчукъ всегда казался такимъ смирнымъ — правда ли это истинная, нѣтъ ли тутъ обмана?»

Ивану много стоило труда увѣрить ее, онъ долженъ былъ клясться прахомъ родителей давно усопшихъ и своей душей.

Тогда только Параска повѣрила, убѣждаясь и тѣмъ, что Демьянъ Без-

таланный не смѣлъ бы, безъ явныхъ доказательствъ, доносить на такого богатаго человѣка, каковъ Саранчукъ.

Послѣ того Ивану и Оксанѣ легко было склонить Параску на свою сторону; она же, увидя отъ какой бѣды избавила свою падчерицу, единственно изъ собственной выгоды, тѣмъ съ большимъ усердіемъ согласилась: «вывесть,» какъ она выразилась, «на свѣжую воду воровскіе замыслы нечестиваго Тапарина. Смотрите же,» прибавила она: «вы оба будьте осторожны, на мужа я ни сколько ненадѣюсь, ему не должно и виду подавать, буд-то мы что нибудь знаемъ. Онъ ни за что въ свѣтѣ не повѣритъ, чтобы Саранчукъ такимъ образомъ доставалъ себѣ деньги, этого человѣка такъ ослѣпило золото, что онъ души не слышитъ въ своемъ благодѣтелѣ. Ѳедоръ мой непремѣнно скажетъ ему обо всемъ, и тогда пропали наши труды. Теперь онъ сидитъ въ шинкѣ, и

пьетъ за здоровье богача, для него море по колѣни, онъ забылъ и жену, и дочь, и все на свѣтѣ, до завтра не дожидайся его домой. Чего не успѣетъ пропить съ подобными себѣ ягигами; то проклятый Жидъ оберётъ, а не думай, чтобы принесъ денегъ сколько нибудь домой. Ахъ! я и позабыла, что у меня *борщъ* съ говядиною, и пироги горячіе выставлены изъ печки; пойдемъ скорѣе обѣдать; а то пожалуй, прійдутъ непрошенные гости; да и скушаютъ безъ насъ все наздоровье; намъ же оставятъ одинѣ косточки.»

Подходятъ къ хатѣ,—но какое злодѣйство! щенокъ вскарабкался на окно, уронилъ яндову съ пирогами, выпачкался въ сметану, и оплеталъ разбойникъ пироги безъ зазрѣнія совѣсти. Нельзя было узнать къ какому роду принадлежалъ этотъ звѣрь, плававшій въ сметанѣ между разбросанными пи-

рогами. А въ хатѣ купались въ *борщѣ* цыпляпа.

Иванъ погнался за щенкомъ, что бы наказать дерзкаго нахала, но онъ препроворно убѣжалъ подъ амбаръ, и тамъ, казалось, рѣшился выдержать долговременную осаду.

Параска и Оксана хотѣли учинить экзекуцію надъ цыпляпами; но робкія птицы бросились на окна, разбили стекла, и успѣли уйти отъ преслѣдованій въ огородъ.

Такимъ образомъ непріятель, прежде чѣмъ провѣдали объ немъ, и собрались наказать его за дерзость, успѣлъ уже захватить добычу въ свои руки, и оставилъ поле побѣды опустошеннымъ, хотя и проиграннымъ.

Параска, съ досады, выбросила за окно кошку, просившую подачку, коромысло сломала на свиньѣ, хрюкавшей около порога, и ругала Саранчука и своего мужа самыми ужасными словами, какія только языкъ ея былъ въ

состояніи выговорить, и память успѣла сохранить (они прогнали дѣвушку въ огородъ, гдѣ должно было отыскивать ее, а обѣдъ оставить на расхищеніе этимъ негоднымъ тварямъ).— И въ добавокъ ко всему, для конечнаго удовлетворенія своему мщенію, она обѣщала три дни не давать мужу своему ѣсть: *борщу съ саломъ* (*) и каши съ *смальцемъ* (**). Впрочемъ разгнѣванная хозяйка, согнавъ, какъ говорятъ, *сердце* на кошкахъ и свиньяхъ, надъ которыми она имѣла полную власть, успокоилась нѣсколько, и вынацила изъ печки: оставшійся еще *борщъ*, горшокъ каши и половину жаренаго поросенка — такимъ образомъ всѣ трое довольно сыто пообѣдали.

Послѣ обѣда, въ общемъ совѣтѣ, положено было Ивану итти въ шинокъ, не для того уже, чтобъ отклонить Ѳедора отъ пьянства (это считали

*) Свиной жиръ.

**) Гусиный и утиный жиръ.

невозможностію, ибо ни убѣжденія, ни угрозы, а иногда и побои дюжей Параски не были дѣйствительны для разлученія его съ *горѣлкою*); но должно было короче съ нимъ познакомиться, притвориться также пьянымъ, и, покрайней мѣрѣ, постараться сберечь деньги, уцѣлѣвшія еще въ *калиткѣ* Ѳедора отъ Жидовскихъ рукъ.

Подойдя къ шинку знакомаго Лейбы, Иванъ насилу могъ пробиться въ сѣни сквозь толпу народа, тѣснившагося около шинка. Въ хатѣ слышенъ былъ шумъ смѣшенныхъ голосовъ, громче всѣхъ раздавался визгъ Жида, унимавшаго драку. Съ величайшимъ трудомъ протерся онъ къ самому мѣсту драки, гдѣ Мандрыка валялся на полу съ окровавленнымъ лицемъ; а на немъ барахтался полупьяный Козакъ, пріѣхавшій въ тотъ день съ Засѣдателемъ. Ссора произошла изъ-за Саранчука,—Ѳедоръ прежде началъ ругать Козака и Засѣдателя, — что они будущаго его зятя

напрасно обвиняютъ, что они всѣ пьяницы, взяточники . . . . . и тому подобное.

Жидъ, опасаясь смертоубійства, въ отчаяніи метался изъ угла въ уголъ, и билъ себя въ грудь крича: «ай, вей, ай, вей!» Полупьяные мужики тщетно старались рознять пьяныхъ задирщиковъ; наконецъ Иванъ едва едва могъ убѣдить разъяреннаго брата оставить свою жертву.

Избитаго почти безъ языка, положивъ на носилки, понесли домой. Жена, тотчасъ замѣтивъ церемонію, встрѣтила ее въ воротахъ, и хотѣла поподчивать пьяницу кочергою. Но Иванъ, открывъ лице Ѳедора, показалъ ей окровавленныя черты ея мужа, лежавшаго безъ чувствъ; тогда она отошла въ сторону, провожая его бранью.

Дочь, увидя отца въ такомъ плачевномъ состояніи, горько зарыдала; всю силу краснорѣчія долженъ былъ упо-

требить ея любезный, чтобы сколько нибудь утѣшить, предавшуюся всей лютости своей горести, Оксану.

Тутъ начали лить холодную воду Ѳедору на голову, и онъ мало помалу сталъ приходить въ себя; но жаловался на жестокую боль головы, куда онъ найболѣе получилъ ударовъ; едва могъ открывать глаза отъ опухолей на вѣкахъ, и трудно дышалъ.

Иванъ тогда позабылъ и объ *улицѣ*; емутамъ нечего было дѣлать; напрасно бы онъ дожидался Оксаны на мѣстѣ общаго свиданія; любезная не пришла бы къ нему;—онъ самъ, прохлопотавъ съ ней надъ избитымъ ея отцемъ, поздно уже возвратился домой.

Параска только одинъ разъ заглянула въ хату затѣмъ, чтобы взять свой ужинъ, излила на Ѳедора бранныя слова, прежде ею не доконченныя, потомъ ушла въ свой чуланъ и безъ дальнихъ хлопотъ расположилась на покой.

Одна Оксана заботилась объ отцѣ цѣлую ночь; между тѣмъ, какъ онъ громко храпѣлъ, временемъ только просыпался; тогда мерещилось ему, что онъ въ шинкѣ, у Лейбы. Тутъ онъ громогласно кричалъ на Жида — скорѣе подать ему *горѣлки*, то ругалъ Козака, который отподчивалъ его образину, грозясь выбросить его за ворота вмѣстѣ съ Засѣдателемъ.

Бѣдная дѣвушка не могла покойно смотрѣть на такую сцену, которой она въ первый разъ была свидѣтельницею; отъ чрезвычайнаго напряженія и безпокойствъ, понесенныхъ ею въ продолженіе послѣднихъ двухъ дней, силы совершенно оставили ее; она едва могла съ отдыхомъ перейти черезъ хату, и къ утру занемогла.

* * *

На другой день вопль и стоны, бѣгавшаго по улицамъ, народа возвѣстили приближеніе хищныхъ Татаръ, разбойнически вторгшихся въ предѣлы Малороссіи. Всякій старался спасаться, куда глаза глядѣли, захватя въ руки что только можно было; кто неуспѣлъ скрыться, — подвергался неслыханнымъ жестокостямъ; особенно страдали женщины и дѣвушки. Изувѣры публично лишали ихъ невинности, и, послѣ самыхъ свирѣпѣйшихъ ругательствъ, не смотря ни на возрастъ, ни на слёзы и мольбы цѣломудрія, либо угоняли ихъ какъ овецъ въ неволю, либо, насытясь буйнымъ вожделѣніемъ, за малѣйшее сопротивленіе предавали несчастныхъ жертвъ острію меча; даже младенцы безъ всякаго милосердія были закалаемы, какъ агнцы.

Ѳедоръ Мандрыка, не смотря на вчерашній хмѣль и побои, замѣтивъ, что такая тревога по всему селу поднялась не даромъ, очнулся какъ разъ, будто ничего не бывало, и спряталася въ теплое мѣстечко. Супруга его, также не мѣшкая, подальше убралась отъ дорогихъ гостей; оставалась только бѣдная Оксана, больная, одна въ хатѣ одинёхонька; въ общей бѣдѣ родителямъ было не до нея.

Иванъ Подкова, набравъ сотни двѣ самыхъ лихихъ *хлопцевъ*, вооружилъ ихъ чѣмъ ни попало. Почти всѣ они прежде служили съ нимъ вмѣстѣ въ реестровыхъ Козакахъ, большая часть изъ нихъ имѣли ружья, другіе сабли и пистолеты, нѣкоторые были вооружены пиками. Къ нимъ присоединилось еще нѣсколько десятковъ мужиковъ съ *вилами, граблями, цѣпами*, заступами и кочергами. Построивъ новобранцевъ въ нѣкоторый воинскій порядокъ, и давъ имъ надлежащія настав-

ленія, Иванъ оставилъ ихъ въ глубокомъ оврагѣ, въ чащѣ лѣса; тѣхъ же, которые были расторопнѣе и умнѣе, послалъ наблюдать изъ-подтишка за непріятелемъ. Потомъ самъ пытался пробраться черезъ огородъ, — посмотрѣть въ безопасности ли его любезная.

Такъ какъ хата Мандрыкина стояла на другомъ концѣ длиннаго села, расположеннаго по долинѣ, надъ рѣкою, и непріятели туда еще не достигли; то ему и не трудно было пробраться, тѣмъ паче, что огородъ примыкалъ къ самому оврагу, гдѣ онъ оставилъ своихъ молодцевъ въ засадѣ.—Въ хатѣ только цыплята тявкали и хрюкали поросёнки; нигдѣ не было слышно человѣческаго голоса; впрочемъ все было цѣло и на своемъ мѣстѣ — явный признакъ, что хищные Татары туда еще не проникли. Онъ окликнулъ нѣсколько разъ — отголосокъ — пу-

стынный житель раздался по закоулкамъ и исчезъ.

Тогда Иванъ, погрузясь въ глубокую думу, побрелъ медленными шагами чрезъ огородъ; не смотря на то, что крики яростныхъ грабителей слышны были вдали, онъ не обращалъ вниманія —самыя пріятнѣйшія воспоминанія волновали его душу. Хотѣлось ему еще одинъ разъ взглянуть на калиновые кусты, гдѣ любезная его, находясь въ сладкомъ забвеніи, была разбужена жаркимъ его поцѣлуемъ.—Приблизился къ незабвенному мѣсту, и что же? — слухъ его поразили болѣзненные стоны человѣка, боровшагося между жизнію и смертію! . . . . Въ головѣ его сверкнула какая-то темная мысль; онъ поспѣшилъ къ кустамъ; но какое плачевное зрѣлище представилось его взору!—Оксана блѣдная, какъ смерть, валялась въ пыли, безъ покрова.

«Боже Праведный!» вскричалъ онъ отчаяннымъ голосомъ, сжимая оледенѣ-

лую ея руку: «ты ли это моя милая Оксана?»

Открывъ глаза, она прошептала едва внятно: «дай мнѣ пить и чѣмъ нибудь одѣпься,» и опять начала стонать.

Иванъ бросился въ хату, и, схватпивъ тамъ тулупъ, кувшинъ воды, жаренаго цыпленка и пшеничную *паляницу* (*), мигомъ возвратился назадъ. Страдалица съ жадностію пила воду, силы ея возвращались, она сѣла, и грѣлась на солнышкѣ. Лучи благодѣтельнаго свѣтила прямо падали на калиновые кусты, и теплотою своею доставили ей значительное облегченіе.

Собравшись съ мыслями, Оксана сказала ему такъ: «ухаживая цѣлую ночь за отцемъ, я выбилась изъ силъ и слегла въ постель, внутренность мою какъ огнемъ палило, я ничѣмъ не могла утолить жажду. Когда вой и плачъ на селѣ возвѣстили о нападеніи Та-

*) Лепешка.

таръ — *батько* и *мати* поспѣшно скрылись, не знаю куда; тогда и я, собравъ остатокъ силъ, выбрела изъ хаты, и доползла коекакъ до любезныхъ мнѣ кустовъ. Здѣсь, подумала я, и умереть пріятно; какъ ты, Ангелъ мой хранитель, явился предо мною и отвелъ мнѣ душу; теперь я снова буду жить.»

Въ это время голоса Татарскіе послышались въ Мандрыкиной хатѣ; Иванъ хотѣлъ—было схватить дѣвушку на плеча и унесть съ собою драгоцѣнное бремя. Но Оксана сказала ему: «подумай хорошенько милый мой, вѣдь я не цыпленокъ, ты не въ состояніи спрятать меня подъ мышку и унесть такъ скоро, чтобы Татары не запримѣтили тебя. Тогда они разлучатъ меня съ тобою на-вѣки, и что будетъ съ *хлопцами*, нетерпѣливо дожидающими тебя, чтобы кинуться на невѣрныхъ. Можетъ быть бусурманы и не примѣтятъ меня въ

густотѣ кустовъ, а еслибы и наткнулись какъ-либо случайно; то, разсуди самъ, для чего имъ понадобится больная дѣвушка. Увѣряю тебя, они меня не тронутъ, поторопись къ Козакамъ, не теряй понапрасну дорогаго времени.» «*Богъ смѣлымъ помогаетъ.*»

Напечатлѣвъ прощальный поцѣлуй на устахъ умной дѣвушки, и слыша поминутно усиливающіеся яростные крики, Иванъ поспѣшилъ къ своимъ Козакамъ, которые находились въ большомъ затрудненіи, опасаясь не попался ли онъ въ плѣнъ къ кровожаднымъ Ордынцамъ. Узнавъ же отъ своихъ лазутчиковъ, что Татары, не встрѣтя ни какого сопротивленія, разбѣжались по селу для грабежа, и многіе изъ нихъ пьяные валялись на улицахъ, они съ нетерпѣніемъ ожидали своего Предводителя, чтобы въ расплохъ напасть на враговъ.

Иванъ, пользуясь пылкимъ рвеніемъ своихъ неустрашимыхъ Козаковъ, ве-

лѣлъ имъ съ радостными криками стремительно броситься въ село, и, не давая опомниться бусурманамъ, бить ихъ безъ всякой пощады. Желаніе его увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.—Тапары, разсѣявшіеся для грабежа, не могли скоро собраться, и сотнями повалились отъ меча и копій Козачьихъ. — Такъ отмстили *хлопцы* за нанесенное посрамленіе ихъ женамъ и дочерямъ! Уцѣлѣвшіе отъ пораженія Татары, не смотря на свою многочисленность, обратились съ испуганнымъ своимъ вождемъ въ бѣгство, какъ робкіе зайцы.

Иванъ Подкова, зная изъ опыта, что Татары, опрокинутые внезапнымъ на нихъ нападеніемъ, опять собираются съ силами и съ жестокимъ ожесточеніемъ нападаютъ, не посмѣлъ гнаться за ними съ малымъ числомъ людей, и предать ихъ явной гибели. Почему скрылъ въ засаду храбрыхъ своихъ товарищей, алкавшихъ

сразиться, и велѣлъ имъ терпѣливо выжидать удобнаго времени.

Между тѣмъ, увидѣвъ пыль столбомъ, поспепенно приближавшуюся, съ противоположной стороны села, и заключая чрезъ то о приходѣ своихъ полковъ, онъ послалъ гонца съ просьбою поспѣшить, какъ можно скорѣе, для защиты ихъ мирныхъ жилищъ отъ кровожадныхъ Татаръ.

Послѣдствія вполнѣ оправдали его благоразумную предусмотрительность. — Ординцы, не видя за собой ни какой погони, устыдились своей трусости, рынулись потоками и въ одно мгновеніе ока наводнили все село, рыща по улицамъ и изрыгая страшныя хулы. Они всю свою ярость излили на бѣдныхъ домашнихъ животныхъ, попадавшихся имъ на улицахъ. Рубили ихъ въ мелкіе кусочки или, привязывая къ хвостамъ ретивыхъ коней, заставляли ихъ издыхать въ жесто-

кихъ мученіяхъ; и, чтобы не оставить ни одного живаго человѣка, гдѣ либо спрятавшагося, начали поджигать хаты.

Между тѣмъ, какъ непріятели уполяли свое кровавое мщеніе, не замѣчая грозы висѣвшей надъ головою, полки Козачьи подоспѣли, и съ крикомъ ударили на враговъ. Татары пришли въ великое смятеніе, но ободрясь напали въ свою очередь съ свирѣпымъ остервененіемъ. Страшная сѣча произошла между обоими войсками, кровь лилась рѣкою, ни тѣ, ни другіе не одолѣвали, руки устали наносить убійственные удары, бой на время прекратился, два непріязненные народа смотрѣли другъ на друга съ изумленіемъ. Мѣсто воинскихъ кликовъ и грома орудій на мгновеніе заступила тишина, подобно какъ бываетъ предъ наступленіемъ грозы.

Наконецъ Козаки съ намѣреніемъ начали отступать.—Непстовые Ордин-

цы, подобно хищнымъ коршунамъ, бросились для поглощенія своей добычи. Миновавъ оврагъ, гдѣ удалые *хлопцы* скрывались въ засадѣ, Козачьи полки остановились, и снова началась сѣча. Въ это время Иванъ Подкова со своей храброй ратію опять явился въ тылъ непріятелю, съ тѣми же криками. Татары, увидѣвъ войско, отъ котораго они, за нѣсколько часовъ, потерпѣли столь сильное пораженіе и обращены были въ постыдное бѣгство, оробѣли пуще прежняго и пустились бѣжать не оглядываясь. Ни просьбы, ни угрозы ихъ вождей не могли остановить разстроенныхъ ратниковъ. Козаки произвели страшное убійство; все поле покрылось трупами невѣрныхъ; лагерь и богатый обозъ достались побѣдителямъ.

Темнота ночи только спасла остатки Татарскаго воинства отъ гибельнаго истребленія. Ордынцы, пользуясь мракомъ для ихъ благодѣтель-

нымъ, не останавливали своихъ коней до тѣхъ поръ, пока не удостовѣрились при дневномъ свѣтѣ, что ни одинъ Козакъ ихъ не преслѣдовалъ.

По совершеніи великаго дѣла Иванъ распустилъ своихъ удальцовъ, обремененныхъ добычею, по домамъ; а самъ съ подвязанной рукою и прихрамливая возвратился къ своей любезной, которая до сихъ поръ оставалась подъ кустами, дрожа отъ страха; она еще болѣе испугалась, увидя блѣдность на лицѣ своего милаго.

Но Иванъ успокоилъ ее объяснивъ что пуля прошла только въ мякоть его плеча, а стрѣла вскользь задѣла бедро, отъ чего правой ногою немного прихрамливаетъ, и надѣется въ нѣсколько дней совершенно заживить свои раны. «Слава Богу Небесному,» прибавилъ онъ, ставъ на колѣни: «бусурманы жестоко разбиты, впредь не будутъ ругаться надъ православными Христіанами, не станутъ обдирать

церквей Божіихъ и становитъ въ нихъ своихъ коней; мы задали имъ трезвонъ, окаянные безъ памяти побѣжали въ свои норы. Теперь ты можешь смѣло итти въ хату, ни сколько не опасаясь блеянія бусурманскихъ языковъ; головы Татарскія, какъ маковки, валяются на улицахъ, по песку.»

«Ахъ, милый мой!» сказала Оксана: «тутъ была такая бѣготня, такой былъ крикъ и топотъ! . . . . Мнѣ было очень страшно, въ глазахъ потемнѣло, свѣтъ пошелъ кругомъ, казалось, разступилась земля, и я провалилась на тотъ свѣтъ! Но ты пришелъ; — я опять ожила и чувствую столько силы, что одна добреду до хаты; — посмотримъ, что дѣлали тамъ незванные гости!»

Подойдя къ хатѣ, они увидѣли страшное опустошеніе! Стекла перебиты, двери разломаны, сундучишко Параскинъ вытащенъ на дворъ и раз-

бить въ куски, а *мизерія* ея раскидана. Даже печку не пощадили изувѣры, остались отъ нея только однѣ развалины; вездѣ искали денегъ ненасытные, но напрасно потѣли.

Въ то время, какъ Оксана съ Иваномъ сѣтовали о разореніи имущества бѣднаго Мандрыки, явился Данило вмѣстѣ съ Безталаннымъ разсказать Подковѣ радостную для него вѣсть, поздравляя его съ избавленіемъ отъ двойнаго врага.

«Когда Татары разбѣжались грабить по селу,» сказалъ Данило: «то Демьянъ, не переставая надзирать за Саранчукомъ, забрался къ нему въ домъ, и прямо залѣзъ въ погребъ. Тамъ Онуфрій потѣлъ надъ краномъ, чтобы на время запопить свое золото и скрыть его отъ хищныхъ грабителей. Полагая, что кранъ засорился, онъ усиливался прочистить его проволокой; но Демьянъ сказалъ:» «не трудись понапрасну хозяинъ, я прежде тебя поста-

рался уже обдѣлать иначе, ни одна капля воды не пройдетъ, сколько ни пихай, — виноватъ, что тебя не спросился! Хе, хе, хе! . . . . . »

«Въ это время послышались голоса Татаръ. Демьянъ тотчасъ спрятался въ закоулокъ, а Саранчукъ бросился запирать дверь, однако жъ опоздалъ; нѣсколько человѣкъ вскочили уже въ погребъ и столкнулись съ нимъ. Они всѣ въ одинъ голосъ закричали:» «да это Саранчукъ, ай да Урустай Ахтіяровичъ (*)! — Вотъ какъ онъ поживаетъ, не по нашему, ему здѣсь тепло, грѣется понемножку около этаго горнила, когда ему вздумается, — не Пророкъ ли уже посѣтилъ тебя своей милостію!—Ну же, Конюшій великаго Хана, Повелителя Вселенной, разскажи: какимъ образомъ ты досталъ такую пропасть золота, да смотри, не лги, —не то голова слетитъ съ плечъ за однимъ махомъ!» —

*) Имя Саранчука въ Магометанствѣ.

«Саранчукъ, прося о пощадѣ и предлагая имъ половину своего богатства, признался: что онъ, будучи оставленъ при обозѣ Ханскомъ, вмѣстѣ съ цирюльникомъ, когда ночью напали на нихъ Запорожцы, при всеобщемъ смятеніи склонилъ послѣдняго зарыть награбленное серебро и золото въ степи, недалеко отъ лѣсу, самъ же поскакалъ впередъ съ пустыми руками, и увѣрилъ Хана, что непріятели все отбили. Между тѣмъ, возвратясь въ Орду, разладилъ съ цирюльникомъ, который за неполученіе отъ него равной части изъ украденнаго золота грозился донесть Хану. Тогда, бѣжавъ изъ Орды, онъ поселился здѣсь, принялъ Христіанскую вѣру, перевезъ деньги къ себѣ въ домъ, да и живетъ помаленьку, чѣмъ Богъ послалъ.»

«Это правда,» «воскликнули Татары:» «что ты живешь нехуже нашего Хана; мы таки заберемъ твое золото; однако жъ и тебя не оставимъ;

за твою голову обѣщана большая сумма.»

«Страшные крики и дрожаніе земли заставили Татаръ бросить золото, и спасаться бѣгствомъ. Они надѣли Саранчуку арканъ на шею, и, не смотря на его моленія, потащили за собой приговаривая:» «ну, кобылье мясо, поворачивайся, мы тебя зажаримъ на завтракъ собакамъ!»

«Тогда Демьянъ поскорѣе оттуда выбрался, присталъ къ своимъ, и опъ его косы валились Татары, какъ снопы!»

При послѣднихъ словахъ сажа посыпалась изъ трубы съ шумомъ; всѣ бросились въ сѣни (*) узнать тому причину; тутъ къ ногамъ изумленныхъ зрителей рухнулось что-то черное, тяжелое. *Парубки* попятились было назадъ, и крестясь хотѣли бѣжать; но Иванъ, остановивъ ихъ, по-

*) Въ хатахъ трубы, плетенныя изъ хворосту, стоятся въ сѣняхъ.

дошелъ ближе къ черной массѣ, и началъ ее поворачивать.

«Ай, ай, ай! За что жъ вы губите душу мою,» зарычало это черное существо: «дайте мнѣ хоть умыться и сорочку бѣлую надѣть, да Богу помолиться, а тамъ уже что хотите, то и дѣлайте со мной, готовъ итти съ вами, хоть въ *пекло.*»

«Ѳедоръ Мандрыка!» закричали всѣ въ одинъ голосъ: «что съ тобой сдѣлалось? Куда ты залѣзъ? Посмотри: на кого ты похожъ? Вѣдь настоящій демонъ! Встань же; тутъ нѣтъ Татаръ, а все православные.»

«Уфъ!» сказалъ Ѳедоръ, открывъ глаза и озираясь кругомъ съ боязнію: «да это наши, какъ же меня ошеломило, а я думалъ, что окаянные бусурманы на сковородѣ, въ горячей смолѣ, уже хотятъ *жарить меня на вечерю пекельному дядѣ.*» Вставъ потомъ и отряхиваясь, онъ продолжалъ: «да эти нехристи совсѣмъ непохожи и на лю-

дей,—во лбу одинъ глазъ, какъ осокою прорѣзано, голова баранья, морда овечья, уши свиныя, вмѣсто рукъ ноги, на мѣсто ногъ руки, пальцевъ нѣтъ, а когти какъ у собакъ, ѣздятъ же на какихъ-то пугалахъ съ журавлиными шеями да съ змѣиными головами.»

Хотя Ѳедоръ, сидя въ трубѣ съ зажмуренными глазами, вовсе не видѣлъ непріятелей, по крайней мѣрѣ онъ имѣлъ полное право ругать ихъ, какъ только пришло въ голову. Ибо, рыская по всѣмъ закоулкамъ, одинъ изъ нихъ, случайно заглянувъ въ трубу, замѣтилъ тамъ что-то похожее на мясо. Полагая, что хозяинъ повѣсилъ коптить свиной окорокъ, онъ по праву военному пырнулъ пикою въ самую мякоть окорока. Хотя раздавшіеся крики: «спасайтесь, спасайтесь! непріятели окружили со всѣхъ сторонъ!» и принудили его оставить свою добычу; однако жъ Ѳедоръ все таки чувствовалъ нестерпимую боль въ ранен-

номъ мѣстѣ. Ему бѣдняжкѣ, просидѣть цѣлые сутки въ трубѣ, было очень жарко, и безъ того, съ похмѣлья, онъ томился сильной жаждою; — это-то и заставило его выскочить изъ трубы, на удачу. Ни сколько не мѣшкая, онъ полѣзъ въ погребъ напиться кислаго *сыровцу*, которымъ обыкновенно мужики съ похмѣлья лечатся, «чтобы отъ сердца отлегло,» какъ они выражаются.

Не успѣлъ Ѳедоръ спуститься въ погребъ, какъ заоралъ благимъ матомъ: «бусурманъ! нехристь! хочетъ меня съѣсть, у меня нѣтъ денегъ ни-копѣйки, Лейба всѣ обобралъ, у Саранчука жъ еще не взялъ, я не виноватъ ни тѣломъ, ни душею, за что жъ на меня такая напасть. Потомъ онъ упалъ съ лѣстницы на полъ, ницъ, заткнулъ уши и жалкимъ голосомъ стоналъ.

Въ это время что-то въ видѣ женщины, облѣпленное гущею съ головы до ногъ, выбѣжало изъ погреба и бро-

силось со всѣхъ ногъ въ огородъ преслѣдуемое голодными свиньями.

Данило побѣжалъ узнать такую необыкновенную и смѣшную фигуру, настигъ ее въ капустѣ, изнемогшую отъ страха, и, по долгомъ разсматриваніи, едва могъ различить въ ней Параску. Бѣдная женщина, прятаясь отъ Татаръ, въ торопяхъ попала въ бочку съ *сыровцемъ*, и, опасаясь быть открытою, не смѣла тамъ шевельнуться. Оттуда торчала только ея голова съ растрепанными волосами, напитанными квасною гущею — это-то испугало робкаго Ѳедора. Параска же при видѣ чучела, выпачканнаго въ сажу, въ свою очередь неменѣе струсила, и направила стопы свои въ огородъ.

Успокоивъ нѣсколько Параску, Данило возвратился въ хату, вытащилъ Мандрыку изъ погреба, досталъ ему чистое бѣлье, и послалъ его съ женою

мыпься въ рѣкѣ, протекавшей почти у самаго ихъ тына.

Ѳедоръ дорогою часто оглядывался назадъ съ недовѣрчивостію; но когда Параска, взявъ въ руки хворостину, погрозилась на него; тогда онъ болѣе не сомнѣвался, что за нимъ слѣдуетъ дюжая его половина.

Между тѣмъ полки, бывшіе въ сраженіи, отдавая полную справедливость Подковѣ, за его умную распорядительность и хитрую выдумку, посредствомъ которой онъ одержалъ совершенную побѣду надъ Татарами, и спасъ отечество отъ разоренія, вольными голосами требовали его на Гетманство. Для сего отправлены были къ нему знатные чиновники съ просьбою отъ всей Украйны — быть ихъ Предводителемъ.

Иванъ Подкова, выслушавъ предложеніе Посольства, плакалъ отъ радости и благодарилъ своихъ соотечественниковъ за ихъ признательность

къ правому дѣлу; но вмѣстѣ съ тѣмъ отказывался занять столь важную должность, представляя во уваженіе свои раны и простое происхожденіе.

Посланцы отвѣчали ему: «намъ не нужны ни рукн твои, ни ноги, дѣла нѣтъ, что ты хромаешь, мы будемъ носить тебя на своихъ рукахъ, а нужна твоя голова, въ которой много скрывается разума, не смотря на то, что она родилась отъ простаго Козака.»

Народъ, узнавъ о настоящемъ дѣлѣ, стекался толпами къ хатѣ Мандрыкиной, требуя непремѣнно Ивана Подкову на Гетманство. Крики не переставали раздаваться: «Подкова спасъ наши хаты отъ пожара и возвратилъ намъ женъ и дочерей, которыхъ нехристи угнали было въ Орду, какъ стадо овецъ, давай его сюда; не хотимъ другаго Гетмана! . . . .» Чернь готова была уже ворваться въ хату, и насильно везть новаго Гетмана въ

Чигиринъ, еслибы Козачьи пики ей невоспрепятствовали.

Мокнувъ въ рѣкѣ уже нѣсколько часовъ, чтобы опять принять надлежащій образъ человѣческій, Мандрыка съ своею женою, привлеченные шумомъ множества народа, толпившагося около ихъ хаты, поспѣшили узнать тому причину.

Ѳедоръ прежде пробрался ползкомъ чрезъ огородъ въ сѣни. Отворивъ тихонько дверь и украдкою заглядывая въ хату, онъ хотѣлъ провѣдать, что тамъ дѣлается Но завидя множество старшинъ, какого онъ еще отъ роду не видывалъ, очень оробѣлъ и намѣревался дать тылъ. Данило же, присталь-но за нимъ наблюдавшій, замѣтивъ его намѣреніе, поскорѣе выбѣжалъ изъ хаты въ сѣни, да и схватилъ его за *губъ*. Ѳедоръ въ испугѣ воображая, что попался въ Татарскія руки, опять заоралъ: «дайте жъ еще хоть часочекъ душѣ покаяться, не рѣжьте

меня, я теперь уже и сорочку бѣлую надѣлъ.

Посланцы, чрезвычайно встревоженные такимъ отчаяннымъ крикомъ человѣка, по видимому уже умиравшаго, выбѣжали въ сѣни, торопливо спрашивая о причинѣ онаго. — Они увидѣли тамъ мужика, лежавшаго ницъ на землѣ и умолявшаго пощадить его жизнь; между тѣмъ какъ другой, стоя близъ него, не только не имѣлъ ни какого намѣренія лишить его оной, но еще всячески старался поднять его съ земли, но напрасно. Лежавшій, казалось, ничего не видѣлъ, не слышалъ и не чувствовалъ, такъ сильно занято было его воображеніе Татарами. Данило разсказалъ имъ подробно все объ этомъ чудакѣ, что до сихъ поръ ему было извѣстно объ его дурачествахъ.

Тогда они общими силами принялись уговаривать Ѳедора, что бы онъ пересталъ горланить, а лучше шелъ бы въ свою хату и поздравилъ тамъ

новаго Гетмана. Слово Гетманъ имѣло на Ѳедора удивительное дѣйствіе; онъ, какъ бы отъ глубокаго сна пробудясь, вскочилъ, дрожа отъ страха, оглядывался кругомъ и спрашивалъ; «гдѣ Гетманъ? а? Гдѣ Гетманъ? Это всё его Паны?»

Данило, схвативъ Мандрыку за руки, насильно потащилъ его въ хату говоря: «вотъ онъ! вотъ нашъ Гетманъ! Пойдемъ, я тебѣ покажу его.»

Ѳедоръ упёрся было въ дверяхъ такъ сильно, что чуть косяковъ невыломалъ; однако же сзади кто-то толкнулъ его въ затылокъ, и онъ однимъ скачкомъ очутился передъ Гетманомъ. Оробѣвъ еще болѣе прежняго, Мандрыка едва смѣлъ голову ворочать въ стороны, будучи окруженъ старшинами, и на силу могъ выговорить, на каждомъ слогѣ заикаясь: «да-г-дѣ-жъпа-нъ-Гет-манъ?»

«А вотъ сидитъ за столомъ передъ

тобою!» Всѣ воскликнули ему въ одинъ голосъ.

Тогда бѣдный мой Мандрыка лишился послѣдняго своего умишка, и повалился въ ноги Подковѣ, какъ онъ всегда дѣлывалъ предъ старшими. Гетмана Ѳедоръ никогда не видалъ. Почему воображая, что онъ пріѣхалъ его судить, Мандрыка такъ умолялъ Подкову: «Панъ ты мой любый! Гетманъ ты мой голубчикъ! Не погуби меня понапрасну, у меня есть жена и маленькія дѣтки, кто будетъ кормить бѣдныхъ сиротъ, когда не станетъ у нихъ отца!»

Иванъ смѣясь поднялъ его съ полу, и сказалъ: «полно Ѳедоръ, Богъ съ тобою! что ты такъ оробѣлъ, мы давно знакомы, какъ же ты меня не узналъ. Я пришелъ сюда не для того, чтобы разлучать тебя съ семействомъ; но хочу самъ еще просить тебя раздѣлить со мной хлѣбъ — соль, какъ съ сыномъ.»

Ѳедоръ уже отъ неимовѣрной радости о предстоявшемъ ему счастіи опять хотѣлъ брякнуться на полъ; но Гетманъ, не допустивъ его до того, посадилъ возлѣ себя рядомъ съ старшинами и долго съ нимъ милостиво разговаривалъ. Ѳедоръ, нѣсколько разъ оглядываясь кругомъ съ боязнію, въ продолженіе разговора часто ощупывалъ себя и протиралъ глаза, дабы удостовѣриться не во снѣ ли онъ всё это видитъ. Гетманъ и его старшины такъ были для него страшны, что онъ много разъ собирался бѣжать; но Подкова, предвидѣвъ его намѣреніе, всегда удерживалъ Ѳедора за руку.

Подоспѣвъ на крикъ своего мужа, Параска недоумѣвала, зачѣмъ онъ оралъ во все горло, когда никто не дѣлалъ ему ни малѣйшаго зла. Услышавъ же, что Ивана Подкову называютъ Гетманомъ, она крайне удивилась; но собраніе старшинъ и крики народа, толпившагося подъ окнами, удостовѣрили

ее въ истинѣ. Войдя въ хату, она поклонилась новому Гетману нѣсколько разъ въ самый поясъ, желая ему: «*долго пановать и ея не забывать.*»

Будучи приглашена имъ заняпь мѣсто подлѣ своего любезнаго муженька, Параска подумала про себя: «вотъ что значитъ отложить свадьбу Оксаны до осени, жаль мнѣ тебя мой милый Саранчукъ, тутъ-то мы и приберемъ твои денежки къ рукамъ на сохраненіе, бѣдняжка, ты совсѣмъ изчахнешь, дрожа надъ ними. Каково жъ я устроила? Теперь Оксана будетъ Гетманша, а я ея мать, и родная того бы ей не сдѣлала; за то на свадьбѣ Гетманской я буду сидѣть на первомъ мѣстѣ на зависть всѣмъ *панямъ* Чигиринскимъ.»

Радуясь счастію своего любезнаго, Оксана нѣсколькими днями шагнула къ выздоровленію, и, сидя на своей постѣли во все продолженіе происходившей передъ нею сцены, не могла быть ра-

вподушною зрительницею, она плакала отъ избытка сердца. Гетманъ рекомендовалъ старшинамъ и народу свою невѣсту, и просилъ ихъ полюбить будущую Гетманшу; а она, кидая на него нѣжные взгляды, молила не забыть въ Чигиринѣ свою Оксану и калиновые кусты.

Послѣ того Гетманъ велѣлъ похоронить въ одной ямѣ, съ подобающею честію, тѣла всѣхъ сподвижниковъ, со славою положившихъ животъ для защиты отечества, и, насыпавъ высокій холмъ, перенесть туда калиновые кусты изъ огорода Мандрыки. Всѣ присутствовавшіе клялись, прахомъ героевъ, возобновлять на могилѣ калину по временамъ для напоминанія потомкамъ, что любовь къ милой и къ родинѣ совершила на томъ мѣстѣ знаменитый подвигъ. Наконецъ вмѣстѣ со старшинами отправился въ свою столицу.

Обрадовавшійся прибытію Гетмана, народъ встрѣтилъ его за городомъ

и на рукахъ несъ до самаго Гетманскаго дворца крича: «*многая лѣта нашему Гетману жить, надъ нами панувать, а намъ изъ за него добро наживать!*» Во дворцѣ поднесли ему Гетманскіе клейноты: булаву, бунчукъ, знамя и печать. Изъявивъ Старшинамъ, Полковникамъ, войску и народу благодарность за довѣріе ему столь высокой должности, онъ поклялся всѣми силами оправдать на самомъ дѣлѣ эту священную довѣренность. Потомъ просилъ дать ему на нѣсколько дней отдыхъ до заживленія ранъ.

Въ странѣ благорастворенаго Юга природа удивительно дѣятельна—одной недѣли довольно было, чтобы нашъ Гетманъ опять явился молодцемъ на конѣ. Исполняя долгъ къ отечеству, онъ не забылъ своей сердечной обязанности и самъ отправился къ милой Оксанѣ свататься.

Въ то самое время Ѳедоръ съ Параскою ссорились. Мужъ доказывалъ,

что ему одному она обязана честію быть въ родствѣ съ Гетманомъ. А жена твердила иначе, — что еслибы она не посовѣтовала отложить свадьбу Оксаны до осени; то быть бы ей за окаяннымъ Саранчукомъ, котораго взялъ лукавый вмѣстѣ съ золотомъ его. Когда слова не помогали, они принялись за сильнѣйшія доказательства. Ѳедоръ схватилъ неизмѣннаго своего помощника — ременный *батогъ*, а Параска вооружилась своимъ орудіемъ — кочергою; оба стали въ позицію, придумывая планъ выгоднѣйшей атаки.

Оксана бросилась между нихъ, умоляя оставить безполезную ссору, «что прошло, о томъ не для чего теперь вспоминать,» говорила она: «что намъ за дѣло до Саранчука, только бы мы были счастливы.»

Гетманъ какъ тутъ подоспѣлъ въ самую пору, онъ все слышалъ за дверью, и, какъ только замѣтилъ, что дѣло приходило къ обыкновенной развязкѣ,

между двумя любящимися супругами, которая для той и другой стороны всегда была не выгодна, тотчасъ отворилъ дверь. «Полно ссориться,» сказалъ онъ: «бывшій вамъ пріятель, теперь, я думаю, въ Ордѣ служитъ уже пищею воронамъ и ястребамъ а деньги его по милости неусыпнаго Демьяна Безталаннаго остались цѣлы и перевезены въ Гетманскую казну. Собирайтесь-ка лучше въ дорогу, поѣдемъ въ Чигиринъ, да загуляемъ у меня на свадьбѣ.

Ѳедоръ по обыкновенію опять хотѣлъ повалиться ему въ ноги и разинулъ ротъ, чтобы просить помилованія; но Гетманъ не допустилъ его до того, почему онъ и остался съ разинутымъ ртомъ, какъ буд-то бы считалъ галокъ на колокольнѣ.

Иванъ и Оксана, пользуясь временемъ, посѣщали сперва калиновые кусты, оставшіеся въ огородѣ, потомъ успѣли побывать и на высокой могилѣ,

которая стояла на гористомъ берегу Днѣпра. Оттуда далеко видно было величественное извиваніе этой быстрой рѣки, лѣса и села синѣлись въ горизонтѣ. «Скоро все это будетъ тебѣ принадлежать,» сказалъ Гетманъ своей любезной и сжалъ ее крѣпко въ своихъ объятіяхъ.

Отдавъ долгъ мѣстамъ, возлелѣявшимъ ихъ молодость, любовники возвратились домой, гдѣ Ѳедоръ, снаряжаясь въ дорогу, выпащилъ изъ клева за хвостъ свою клячу и привязывалъ, такъ сказать, отжившую свой вѣкъ животину къ тарантайкѣ. Ибо вмѣсто хомута и шлеи было надѣто ей на шею кольцо изъ толстой веревки и веревками привязано къ оглоблямъ. Въ ящикѣ своей двухколесной тарантайки сломанныя дуги онъ связалъ бичевками, дыры закрылъ кое какъ лубками и намостилъ сѣна, чтобы сидѣть было помягче, а вмѣсто вывалившихся спицъ

воткнулъ палки въ ступицы и ободья скрутилъ веревками.

Гетманъ ни сколько не удивился такой дивной сбруѣ, ибо и прежде не разъ видалъ ее, онъ самъ пріѣхалъ за просто на парѣ лошадей, въ возѣ. Расположась попарно каждый въ своемъ экипажѣ, наши путешественники отправились въ Чигиринъ. Тарапайка Мандрыкина разыгрывала удивительный концертъ. При всякомъ сотрясеніи лубки, ударяясь объ изломанныя дуги ящика, производили несносную стукотню; несмазанныя же колеса отъ недостатка многихъ спицъ, при каждомъ оборотѣ, дѣлали слишкомъ чувствительные такты, и отвратительнымъ скрипомъ нестерпимо драли уши.

Параска цѣлую дорогу ругала своего муженька, и, когда большіе толчки неровной дороги выводили ее изъ терпѣнія, нѣсколько разъ принималась-было вцѣпиться ему въ *губъ*. Но къ счастію Ѳедора, впереди ѣхавшіе Иванъ

и Оксана, привлекаясь сильнымъ шумомъ, происходившимъ между супругами, каждый разъ оглядывались назадъ. Почему Параскѣ и не удалось излить свой гнѣвъ на бѣдную голову Мандрыки, изъ которой съ каждымъ толчкомъ, кажется, вылетала вонъ частица, помѣщеннаго въ ней, малаго количества толку.

Въ такомъ порядкѣ прибыли они благополучно въ Чигиринъ; здѣсь встрѣтили ихъ старшины. Гетманъ съ своею невѣстою пересѣлъ въ карету; а Ѳедоръ, не смотря на угрозы жены, никакъ не хотѣлъ разстаться съ своею любимою тарапайкою. Онъ очень былъ увѣренъ, что дражайшая его половина не могла привести въ дѣйство своихъ угрозъ при такомъ стеченіи народа, въ томъ городѣ, гдѣ Начальникомъ будущій его *зять*, и куда съ такою церемоніею въѣзжалъ Гетманскій тесть. «Не сердись моя *Парасочка*! моя *уточка*!» сказалъ онъ, взявъ

ее нѣжно за подбородокъ: «на этой тарапайкѣ мой *батько* еще ѣздилъ, и я не оставлю ее для такого праздника.»

Такимъ образомъ Гетманъ съ фамиліею церемоніяльно пріѣхалъ во дворецъ, а оттуда въ церковь, гдѣ священникъ соединилъ любящуюся чету, къ райнему удивленію Ѳедора Мандрыки. По скудости своего мозга онъ немогъ сообразиться, какъ это все случилось, и остался въ церкви, какъ прикованный на одномъ мѣстѣ; но Параска, замѣтивъ его отсутствіе, воротилась назадъ и потащила его за руку въ Гетманскій дворецъ.

РАЗСКАЗЪ II.

СЕМЕЙСТВО

КУЛЯБКИ.

СЕМЕЙСТВО
КУЛЯБКИ.

«Ахъ, Матъ Пресвятая Богородица! что за причина, пора бы имъ воротиться домой,» такъ говорила сыну своему Полковница Кулябкина, нетерпѣливо дожидая своего супруга и дочь съ прогулки. «Не ужели они и до сихъ поръ прогуливаются? теперь солнце уже на закатѣ; отецъ твой не любитъ никуда заѣзжать такъ поздно, этого, благодареніе Создателю Милосердому, не случалось съ нимъ еще съ

тѣхъ поръ, какъ мы провождаемъ наше благополучное супружество.»

«*Роща*, въ которой прогуливаются батюшка съ сестрицей, на той сторонѣ Днѣпра,» отвѣчалъ ей сынъ: «туда нужно переѣзжать, какъ вамъ извѣстно, на лодкѣ; теченіе же въ томъ мѣстѣ быстрое; мудрено ли что они немного запоздали!

«Что ты немного! . . . . черезчуръ запоздали, они вѣдь почти съ самого полудня отправились. Вотъ ты объѣхалъ всѣхъ жнецовъ и побывалъ въ пасикѣ; но отца твоего и сестры нѣтъ какъ нѣтъ—это меня безпокоитъ; не случилось ли съ ними какого несчастія?»

«Вы напрасно себя безпокоите матушка! а я такъ думаю, что прекрасная погода ихъ прельстила; и они, наслаждаясь благопріятнымъ временемъ, нечувствительно продлили свою прогулку, долѣе обыкновеннаго; теперь же, безъ всякаго сомнѣнія, ѣдутъ домой.»

«Ахъ, нѣтъ, сынъ мой! Сердце мнѣ что-то недоброе вѣщуетъ, не даромъ оно болитъ, непремѣнно приключилось съ ними несчастіе. Сей часъ я позову ворожею; пускай она погадаетъ на бобахъ; а ты скорѣе поѣзжай узнать, за чѣмъ они тамъ по сихъ поръ мѣшкаютъ.»

Не успѣлъ еще молодой Кулябка осѣдлать лошадь; а ворожея разложить на деревянной тарелкѣ хлѣбъ, соль, кирпичъ и бобы; какъ ворота растворились, и Полковникъ Кулябка съ дочерью взъѣхали на дворъ.

Полковница немедленно выбѣжала на встрѣчу своему мужу, и, отъ воротъ до самой свѣтлицы провожая его, загромоздила слѣдующими вопросами:

«Зачѣмъ ты сего дня гулялъ до самыхъ сумерковъ, не хотѣлъ ли уже расположиться въ лѣсу ночлегомъ? не забудь, что ты навелъ на меня большое сомнѣніе! . . . . Да ты въ чужомъ платьѣ! . . . . Да ты блѣденъ

какъ полотно — поглядись въ зеркало! Что это съ тобой сдѣлалось? Ахъ Царь Небесный! . . . . — Не боленъ ли ты душа моя, супругъ мой ненаглядный? — Не правду ли я сказывала, что не даромъ сердце мое ныло? . . . .»

Отдохнувъ немного и собравшись съ силами, Полковникъ отвѣчалъ ей слабымъ голосомъ: «предчувствіе тебя не обмануло, — я чуть было не утонулъ, — очень испугался и прозябъ, — теперь клонитъ меня ко сну, — Ольга разскажетъ тебѣ все . . . .»

Теряясь въ безконечныхъ догадкахъ, Полковница, съ крайнимъ прискорбіемъ, принуждена была отложить свое любопытство, на нѣсколько времени. Уложивъ больнаго въ постелъ, она выперла его теплымъ уксусомъ, и для произведенія испарины напоила шалфеемъ: тогда Полковникъ скоро погрузился въ глубокій продолжительный сонъ.

Не теряя времени, Ольга удовлетворила нетерпѣливому любопытству

своей матери, разсказавъ ей происшествіе, съ отцемъ ея случившееся.

«Мы благополучно переправились на ту сторону Днѣпра,» сказала Ольга: «пріятный прохладный вечеръ, пѣніе соловья, прекрасный запахъ цвѣтовъ нечувствительно завлекли насъ въ глубину *рощи*, и мы отдалились отъ берега на значительное разстояніе. Тамъ . . . . .»

«*Не перебѣжалъ ли вамъ дорогу* заяцъ,» прервала ее мать: «не испугалъ ли васъ тамъ медвѣдь; не напали ли на васъ разбойники; — какъ можно, слыхано ли, шуточное ли дѣло, къ ночи заходить въ лѣсъ, такъ далеко?»

«Тамъ ничего страшнаго мы не видѣли, и никто на насъ не нападалъ: а услышали звуки скрипки, вѣяніемъ вѣтерка къ намъ несомые изъ отдаленной части *рощи.*»

«Да какъ можно итти далеко въ лѣсъ, когда время приближалось уже къ ночи? можетъ быть, то былъ кол-

дунъ, — онъ хотѣлъ заманить васъ, подальше отъ людей, опутать сѣтями, какъ куропатокъ, и упащить въ свою нору.»

«О, нѣтъ матушка! я не думаю чтобъ это былъ колдунъ, намъ ни сколько не было страшно, а напротивъ было очень весело. Приближаясь къ глубинѣ *рощи*, мы явственно слышали скрипку, и голосъ уныло припѣвающій. Мнѣ очень хотѣлось видѣть играющаго на скрипкѣ; но онъ вдругъ запихъ; и мы никакъ не могли отыскать его въ чащѣ кустовъ. Мы много объ немъ сожалѣли; онъ бѣдненькій очемъ-то очень печалился.»

«Ну, слава Богу, что этотъ оборотень не съѣлъ васъ; да гдѣ же отецъ твой тонулъ; тамъ, кажется, нѣтъ воды?»

— «Не отыскавъ того,» продолжала Ольга: «кто такъ заинтересовалъ насъ своей игрой и пѣніемъ, мы возвратились къ лодкѣ; батюшка тронулъ

былъ до глубины души; заунывный звукъ пѣсни произвелъ на него какое-то грустное неясное впечатлѣніе. Вошедъ въ лодку, онъ подавалъ мнѣ руку, наклонясь впередъ; перевощикъ, съ намѣреніемъ злодѣйскимъ, внезапно толкнулъ его въ воду, а самъ поспѣшно отвалилъ. Въ испугѣ, судорога сомкнула батюшкѣ руку; быстротою воды унесло его по теченію, далеко, и онъ началъ—было уже захлёбываться. Я кричала, плакала, умоляла варвара-перевощика сжалиться надъ батюшкою — вытащить утопающаго изъ воды, — обѣщала даже не выводить наружу его злодѣйскаго умысла: но звѣрское его сердце не знало жалости; — безчувственный человѣкъ удалился отъ берега такъ поспѣшно, будто бы выбросилъ въ воду безполезный грузъ. По близости не было ни одного человѣка, который бы услышалъ мой голосъ; волосы батюшкины, то выказывались изъ воды, то опять покрыва-

лись волнами; я находилась въ совершенномъ отчаяніи. — Какъ вдругъ явился *избавитель*; съ неимовѣрной быстротою онъ бросился въ воду, во всемъ платьѣ; съ удивительною ловкостію разсѣкая струистыя волны, этотъ необыкновенный человѣкъ схватилъ утопавшаго батюшку за волосы, и вытащилъ его изъ воды на крутой берегъ. Нѣсколько минутъ батюшка лежалъ почти безъ чувствъ; я со слезами молила *избавителя* возвратить къ жизни моего отца. Не отвѣчая ни слова, онъ зарылъ его въ песокъ — это меня крайне изумило, я воображала, что нѣтъ уже ни какой надежды къ оживленію утопшаго, и, потерявъ употребленіе языка, нѣмымъ взоромъ укоряла его за жестокость. Приложивъ тогда руку къ сердцу батюшки, этотъ дивный человѣкъ обратился ко мнѣ съ веселымъ видомъ и сказалъ: «ничего не опасайтесь, вашъ батюшка будетъ живъ, теплота въ

тѣлѣ его возвращается, и сердце начинаетъ свободно биться.» Нѣсколько минутъ онъ смотрѣлъ попеременно, то на меня, то на батюшку, предаваясь глубокой задумчивости; — казалось, что-то лежало у него на сердцѣ; какая-то грусть тягостила его душу. — Онъ былъ мужчина молодой, стройный, съ пріятными чертами лица, со взоромъ исполненнымъ огня, голосъ его сладкій, въ душу проникающій. — Я полагаю, что онъ тотъ самый, который пѣлъ и игралъ на скрипкѣ—въ *рощѣ*. Между тѣмъ батюшка, открывъ глаза, началъ шевелиться; тогда молодой мужчина просилъ его еще нѣсколько минутъ остаться въ тепломъ пескѣ, а самъ проворно побѣжалъ въ *рощу*, и немедленно возвратился съ сухимъ платьемъ, въ которое переодѣлъ батюшку. — Отыскавъ потомъ рыбацкую лодку, онъ посадилъ насъ въ нее — отказался отъ брильянтоваго перстня,

предложеннаго ему батюшкою въ знакъ памяти — соединенныя наши просьбы склонить его, слѣдовать вмѣстѣ съ нами, или, по крайней мѣрѣ, открыть свое имя, не имѣли ни какого успѣха. — Благодѣтельный безвѣстный человѣкъ, бросивъ на насъ умильный печальный взоръ, поспѣшно удалился въ глубину лѣса.»

«Куда какъ курьозны бываютъ эти оборотни,» подхватила мать: «въ добрый часъ они помогаютъ людямъ, а въ другое время такъ сами же утопятъ въ рѣкѣ, или запащутъ въ дремучій лѣсъ, да и высосутъ всю кровь.»

«Нѣтъ, матушка, воля ваша, это былъ не оборотень! Еслибъ вы видѣли, сколько доброты сіяло въ его взорѣ, когда онъ устремлялъ его на меня! Какъ онъ заботился привесть къ жизни батюшку! Какъ онъ вздыхалъ .... и даже я замѣтила, что слезы выкатились изъ его глазъ! .... Если это былъ не Ангелъ; то по крайней мѣрѣ

человѣкъ — и самый добрѣйшій, любезнѣйшій человѣкъ!»

На другой день недугъ Полковника, къ крайнему прискорбію его семейства, усилился, и день отто дня становилось ему хуже; совершенно нельзя было узнать въ немъ прежняго Кулябку, лицемъ свѣжаго, здоровьемъ крѣпкаго. Прокрадывавшіяся изъ-за черныхъ волосъ, на его головѣ, сямъ и тамъ сѣдины, длинные усы съ просѣдью, орлиный носъ и быстрый взглядъ придавали ему воинственный видъ. Пріобрѣтя навыкъ вѣрно разить непріятеля, рука его замаперѣла въ битвахъ, волосы посѣдѣли на полѣ брани, и мечь притупился о крѣпость череповъ непріятельскихъ. Обладая зрѣлымъ умомъ и опытностію, Кулябка, съ честію, долго командовалъ Кіевскимъ полкомъ; привыкнувъ повелѣвать, онъ любилъ, чтобы все безпрекословно ему повиновалось, и не терпѣлъ противорѣчій, будучи вспылчивъ, но добръ и

снисходительнъ. — Продолжительная болѣзнь такъ исказила его, что оставалась только одна тѣнь храбраго воина; нѣсколько дней Кулябка находился въ отчаянномъ положеніи.

Жена его, Варвара Ивановна, женщина добрая, богобоязливая, вѣрная супруга и чадолюбивая мать; но подверженная предразсудкамъ, и зараженная суевѣріемъ, собрала всѣхъ извѣстныхъ въ то время Кіевскихъ знахарей и бабъ — шептуній для пособія ея супругу; но всѣ они на отрѣзъ отказались вылечить больнаго, присудивъ его общимъ приговоромъ къ смерти. Полковнику очень прискорбно было разстаться съ доброй супругой, неразлучной его помощницею, и оставить любезныхъ дѣтей сиротами.

Шестьнадцатилѣтняя дочь его Ольга стройностію стана превосходила лилію, скромна какъ горлица, прекрасна, какъ утренняя заря безоблачнаго Юга, добра какъ невинность, она

получила лучшее, по тогдашнему времени, воспитаніе. Ольга читала и писала на природномъ языкѣ, чисто говорила по—Польски, вышивала въ пяльцахъ, ткала ковры, очаровательно пѣла, играла на гусляхъ плѣнительно, умѣла сажать капусту, рѣпу, морковь, бураки, картофель, сѣять горохъ, подсолнечники, тыквы, огурцы, дыни, арбузы. Она собирала коноплю, лёнъ, солила огурцы, вишни, дѣлала наливки, приготовляла варенья, сбивала масло и стряпала кушанье съ отмѣннымъ вкусомъ.

Сынъ Кулябки Борисъ — юноша острый, съ пламенной душею и основательнымъ разсудкомъ, просвѣтивъ себя науками въ Польшѣ у Іезуитовъ, восторжествовалъ надъ предразсудками и суевѣріемъ вѣка; онъ составлялъ отраду старѣющаго отца; служилъ ему вѣрной подпорою, питая будущія его надежды.

— И отъ такихъ-то прекрасныхъ дѣтей неумолимая смерть готовилась

похитить родителя! Казалось, вся надежда, исхитить Полковника изъ челюстей алчной истребительницы рода человѣческаго, была потеряна. Но теплыя молитвы благочестиваго семейства услышаны — внезапный лучъ спасенія блеснулъ — къ общей радости Кулябкиныхъ явился какой-то, бродившій по-міру, и толкавшійся по всѣмъ угламъ Вселенной, старый Цыганъ — искусный хиромантикъ, и большой мастеръ гадать по звѣздамъ. Онъ въ нѣсколько дней поставилъ Полковника на ноги, давая ему пить по рюмочкѣ какого-то травянаго настоя, и окуривая его какимъ-то порошкомъ; — за что былъ одаренъ отъ Кулябки богатыми подарками, и лучшими конями изъ его завода.

Между тѣмъ градской Голова Олиферъ Спеблевецъ съ десятниками долго трудились понапрасну, отыскивая злодѣя, покушавшагося на жизнь Полковника. Всякаго бродягу они допра-

шивали, обливая его студеною водою, заковывая въ желѣза и сажая въ тюрьму; но виновнаго въ преступленіи не находили.

Терпѣніе истощалось, и, казалось, розыскъ по этому дѣлу былъ уже оставленъ, или, по крайней мѣрѣ, строгость, съ которою прежде допрашивали подозрительныхъ людей, значительно ослаблена, какъ случайно, въ шинкѣ, мужикъ хмѣльной проболтался предъ своимъ товарищемъ. Подслушавшій разговоръ ихъ десятникъ, тотчасъ связавъ назадъ руки подозрительному человѣку, привезъ его къ Полковнику, который съ перваго разу узналъ въ немъ своего убійцу. Пьяный мужикъ, будучи уличаемъ очевиднымъ свидѣтелемъ, запирался еще въ своихъ словахъ, его протрезвили въ погребѣ, и на другой день преступникъ, отъ страха наказанія, сознался Кулябкѣ, что онъ былъ подкупленъ утопить его въ Днѣпрѣ Полковникомъ Гула-

комъ, обѣщавшимъ ему за то большую награду.

Благородный Кулябка не мстилъ своему убійцѣ, и выгналъ его съ презрѣніемъ, какъ слѣпое только орудіе злодѣя; потомъ призвавъ своихъ дѣтей, онъ обратилъ къ нимъ слѣдующую рѣчь. «Узнайте дѣти, что на жизнь мою посягалъ, предмѣстникъ мой, Полковникъ Гулакъ, который смѣненъ былъ съ *должности*, *вольными голосами народа*, за свою *жестокость* къ Козакамъ, и дурное обращеніе съ гражданами. Давно уже онъ подкапываетъ подо мною яму.—Стараясь погубить меня, мстительный Гулакъ сначала тайно, а потомъ явно оклеветалъ меня передъ Гетманомъ, будто бы я имѣю сношенія съ Татарами, и замышляю самъ сдѣлаться Гетманомъ; но не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, коварный человѣкъ подкупилъ подлаго убійцу. Богъ Милосердый невидимой рукою спасъ мнѣ жизнь,ославъ *избавителя*

въ то самое время, когда я уже захлёбывался въ водѣ, пусть же Праведный Судія и накажетъ преступника, а я презираю его!!! . . . . . Берегитесь дѣти нашего злаго врага, онъ на все способенъ!! . . . . . .»

Послѣ несчастнаго приключенія въ *Заднѣпровской рощѣ*, Полковникъ боялся продолжать тамъ свои прогулки; но любимой дочери нельзя было отказать въ оныхъ. Ольга находила особенную прелесть прогуливаться въ *рощѣ*, и мать принуждена была съ ней отправляться туда по вечерамъ. Каждый разъ, съ прогулки дѣвушка возвращалась домой задумчивѣе, взоръ ея оттѣнялъ грустію, а между тѣмъ съ охотой продолжала посѣщать любимую *рощицу*, по приближеніи къ которой слѣды меланхоліи, казалось, на нѣсколько минутъ, сглаживались съ чела прекрасной Ольги, и улыбка томная являлась на ея устахъ.

Прошло нѣсколько времени. — Всѣ замѣтили задумчивость въ лицѣ красавицы; но никто не могъ понять причины тайной ея грусти; она даже матери не повѣряла ее.

Въ одинъ вечеръ, послѣ купанья въ Днѣпрѣ, Ольга, по обыкновенію, побѣжала въ *рощу*, оставивъ мать свою далеко назади; но черезъ нѣсколько минутъ, запыхавшись и покрытая смертной блѣдностію, прибѣжала къ матери, и, едва переводя дыханіе на ея груди, умоляла ее скорѣе удалиться изъ *рощи*. «Это ужасное мѣсто!» твердила она: «я сильно испугалась! . . . мнѣ тутъ очень страшно! . . . .»

«Не чувствуешь ли ты,» спросила ее мать: «какъ будто бы что нибудь ползаетъ у тебя по тѣлу, на подобіе мурашекъ?»

«Да, матушка, чувствую!....» отвѣчала ей дрожавшая отъ страху Ольга.

«Ну такъ и есть! Это проказы Днѣпровскихъ Русалокъ; онѣ всегда

щекочутъ того, кто купается въ Днѣпрѣ; поскорѣе уѣдемъ отсюда, а то не сносить намъ своихъ головъ на плечахъ! Да тутъ, какъ я вижу, цѣлое царство оборотней, вѣдьмъ и нечистой силы; непремѣнно всѣ они здѣсь имѣютъ пристанище.—Смотри пожалуй! прежде отца топили, теперь дочь хотятъ защекотать, а послѣ дойдетъ очередь и до матери. Нѣтъ! прошу не прогнѣваться Гг. оборотни и вся братія; отселѣ ни ногой не ступлю въ эту заклятую *рощу*; на сто верстъ буду объѣзжать ее; стану бѣгать, какъ отъ чумы!»

Испугъ Ольги не имѣлъ важныхъ послѣдствій; а задумчивость ея не проходила; юная душа ея страдала непонятнымъ для всѣхъ недугомъ.

Сердобольные родители употребляли всѣ способы для развлеченія любимой дочери, истощили всѣ средства для излеченія ея отъ непонятнаго недуга; но не получили вознагражденія

за свои заботы — успѣха не было ни въ чемъ.

«Пора дочери за мужъ!» рѣшили тогда родители, и, не теряя времени, положили торжествовать имянины Ольги великолѣпнымъ праздникомъ, и пригласить на оный всѣхъ знатныхъ и богатыхъ сосѣдей. Они предполагали, что Ольга между молодыми людьми отыщетъ по сердцу жениха, и опять сдѣлается весела по прежнему.

* * *

День именинъ прекрасной Ольги былъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ весенних дней на Югѣ. Старшины Кіевскіе, именитые граждане, помѣщики со всѣхъ хуторовъ съѣхались къ Кулябкѣ на дрожкахъ, въ повозкахъ, кибиткахъ, бричкахъ, коляскахъ, какъ на Ильинскую ярмарку.

Каждый изъ гостей, болѣе или менѣе плодовитый семействомъ, запасся на праздникъ женою съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ человѣкъ дѣтей разнаго пола и возраста. Ихъ сопровождали мамки, няньки, лакеи, бѣдные родственники, живущіе въ домѣ, обыкновенно, для присмотру за хозяйствомъ.

Стукъ экипажей, скрипъ колесъ, лошадиный топотъ, ржаніе жеребцовъ,

крикъ кучеровъ въ воротахъ и на дворѣ, тискотня на крыльцѣ, въ сѣняхъ и въ передней, общія лобзанія, суета женщинъ, бѣганіе лакеевъ, рыданія дѣтей, визгъ собачекъ разныхъ породъ, стукъ каблуковъ, шарканіе башмаками предспавляли совершенный хаосъ.

Наконецъ всѣ усѣлись по своимъ мѣстамъ; каждое семейспво заняло особенное отдѣленіе въ свѣтлицахъ. — Съ одной стороны шелъ разговоръ о дороговизнѣ холста, воску, ситцевъ, платковъ, гродетуру, шелку, парчи, объ урожаѣ огурцовъ, картофеля, капусты, коноплей, льну; а съ другой трактовали о лошадяхъ, звѣриной ловлѣ, о сѣнѣ, овсѣ, ячменѣ, ржи, пшеницѣ, гречихѣ, о пчелахъ, о винокуреніи.

Но какъ разсказы о самыхъ любимыхъ предметахъ не насыщали тощихъ желудковъ, то рѣшено приступить къ закускѣ. — Графины съ полынною, имбирною, калганною, перечною и другими настойками мигомъ опустѣ-

ли. Пироги съ творогомъ, морковью, говядиною; колбаса, масло, икра, сельди, балыкъ подверглись той же участи.

Закуска раздразнила только аппетитъ голодныхъ желудковъ — для удовлетворенія неугомонному гостю сѣли за столъ, обремененный разнаго рода яствами, наливками и винами.

Радушные хозяева безпрестанно упрашивали своихъ гостей покушать ветчины, поросёнка, щуки, *борщу*, цыплятъ, индѣйки, драхвы, карповъ; отвѣдать вишневки, сливянки, терновки, рябиновки, грушевки, яблоновки, вина Алонскаго, Молдавскаго, Венгерскаго, Донскаго.

Гости безъ отговорокъ опорожняли тарелки за тарелками; осушали рюмки за рюмками, — чаши съ яствами опустѣли; въ бутылкахъ показалось дно; и прерывистое жужжаніе слилось въ общій нестройный говоръ.

Послѣ стола старики разбрелись къ карточнымъ столамъ играть въ дурачки, мельники, свои козыри; шутъ

же по сосѣдству шашки двигались по шахматнымъ столамъ.

Люди, имѣвшіе глубокое свѣдѣніе въ экономіи, восхищались конскимъ заводомъ Кулябки, его скотнымъ дворомъ, гумномъ, столярнею, мельницами, винокурнею, его садовыми деревьями. Больше нечего было имъ дѣлать; въ то время не любили и не умѣли разсуждать о политикѣ.

Женщины ахали, прыгая около прекраснаго цвѣтника Ольгина, любовались домашними коврами Варвары Ивановны и шитьемъ въ пяльцахъ.

Молодёжъ, опустошивъ тарелки съ орѣхами, грушами, яблоками, вареньемъ, какъ саранча въ полѣ нивы съ хлѣбомъ, разбрелась по саду прохладиться въ тѣни вѣтвистыхъ липъ и шумящихъ березъ.

Такимъ образомъ каждый полъ и возрастъ въ занятіяхъ, имъ свойственныхъ, нечувствительно провели цѣлый день. Наступилъ вечеръ — съ за-

катомъ солнца умчался въ бездну ясный день, облака сгущались, и по всѣмъ примѣтамъ слѣдовало ожидать сильной грозы.

Гости, оставляя садъ, не охотно разставались съ пріятной прохладою, дышущихъ аромапомъ, деревьевъ, чтобы провесть вечеръ въ стѣнахъ душныхъ свѣтлицъ. Тамъ Ольга, удовлетворяя общему желанію, раскрыла гусли, и, нѣжными трелями прекраснаго голоса, выражая любимыя всѣми національныя пѣсни, при звукахъ священнаго инструмента, произвела глубокое впечатлѣніе въ сердцахъ слушателей.

Добренькія старушки шептались сожалѣя, что такая хорошая *панночка* испорчена злыми людьми; а старики въ недоумѣніи пожимали плечами, не смѣя явно противорѣчить общему мнѣнію.

За симъ открылся Польскій пестрою смѣсью изъ двѣнадцати взрослыхъ и недозрѣлыхъ *панночекъ* Генеральнаго Обознаго Гайворона. — Какъ

стая упокъ, дѣвы и дѣвочки попарно потянулись съ избранными ими Черниговскими *паничами*. Всѣ онѣ были въ кофточкахъ гродетуровыхъ, юпкахъ бархатныхъ, съ парчевыми корабликами на головахъ, въ сафьянныхъ остроконечныхъ башмакахъ съ высокими каблуками. Въ непрерывной линіи слѣдовала троица спѣлыхъ *панночекъ* Судьи Гамзы; — выступала козыремъ на тоненькихъ ножкахъ, будто цапля, единственная дщерь Писаря Безребраго; — по порядку плелись три парочки съ хутора Эсаула Верхотруса; — за ними слѣдовали миленькія, румяныя какъ ягоды, Кіевляночки; — замыкали шествіе двадцать семь душъ изъ плодороднаго семейства Хомяка.

Переяславскіе *паничи*, расхватавъ пригоженькихъ *панночекъ*, отличались въ *козачкѣ*, побрякивая подковками; выплясывали *трепакъ* съ разнообразными измѣненіями, *метелицу*, *горлицу*.

Борисъ Кулябка, скучая дурнымъ оркестромъ, безъ милосердія пиранившимъ его музыкальное ухо, послалъ за виртуозомъ Грибовскимъ; а самъ, въ ожиданіи, сѣлъ у раствореннаго окна подышать вечернею прохладою. Нѣсколько минутъ онъ восхищался мыслію, что насладится симфоніей скрипача, какъ вдругъ услышалъ, позади себя, слѣдующую брань.

«Экой бестія, слѣпой оводъ, точно сорвался съ цѣпи, будто гналъ его по шеѣ самъ чертъ, чуть, чуть было не выжалъ изъ меня всего духу — окаянный!» — Такъ ругался, жалуясь Кулябкѣ, Кіевскій Голова Олиферъ Стеблевецъ, человѣкъ приземистый, тучный, со взоромъ олицетворенной глупости, съ лицемъ какъ бы сплюснутымъ между двухъ терокъ, при самомъ рожденіи, на каждой ноздрѣ у него висѣли, на тоненькихъ стебелькахъ, шишки величиною съ созрѣвшую грушу.

«Кто дерзнулъ обидѣть нашего именитаго хозяина города?» спросилъ его Кулябка съ усмѣшкою.

«Да этотъ *хлопецъ* вашъ, невѣрный Ѳома,» продолжалъ Стеблевецъ: «будто раскаленныхъ углей кто нибудь насыпалъ ему въ пазуху, бросился съ крикомъ:» «пустите! пустите! *Паничъ* послалъ меня за Грибовскимъ.» Онъ въ дверяхъ, чуть, чуть не раздавилъ было меня, какъ лягушку. Оглашенный *хлопецъ* обрадовался тому, что послали его за Грибовскимъ, пойди-ты, будто и Богъ знаетъ за кѣмъ онъ бѣжалъ — эка птица невиданная Грибовскій; видали мы этого скрипача и сами не разъ съ нимъ игрывали.»

«Успокóйся почтеннѣйшій Олиферъ Протасьевичъ! какъ скоро воротится невѣрный Ѳома, мы добрымъ порядкомъ выдеремъ ему *губъ*; впредь будетъ бѣгать осторожнѣе, станетъ различать людей отъ *лягушекъ*.»

Тогда Стеблевецъ успокоился, вытащилъ изъ-за голенища большой рогъ съ нюхальнымъ табакомъ, и, какъ бы торжествуя уже надъ невѣрнымъ Ѳомою, угощалъ свой носъ, посылая въ каждую ноздрю щепоть за щепотью. Отъ табачнаго чаду Олиферъ встрепенулся, ноздри его подергивались судорожно, и онъ выпятилъ на Кулябку глаза такъ страшно, какъ будто бы собирался проглотить его за однимъ разомъ. Послѣдній, опасаясь дурныхъ послѣдствій, схватилъ графинъ съ холодною водою и вылилъ на голову Стеблевцу.

Освободясь нѣсколько отъ одуряющаго дѣйствія табака, Олиферъ пришелъ въ нѣкоторый родъ изступленія, и, тиская въ руку Кулябкѣ рогъ съ табакомъ, воскликнулъ: «Ахъ, дорогой мой Борисъ *паничъ*! ты еще не испыталъ надъ собой силы этого дивнаго зелія, понюхай хоть одну щепоточку, хоть одну порошинку, тогда ты не

разстанешься съ нимъ. Не забудь, что табакъ мнѣ доставляетъ Грекъ Крамали, тотъ самый масперъ, который въ Царѣградѣ удостоился дѣлать табакъ для Патріарха — прошу замѣтить — святѣйшій Патріархъ удостоилъ своею милостію грѣшника Крамали.»

«Прискорбно для меня, слышавъ такую рацію въ честь твоего табака, не воспользоваться его достоинствами; но испытавъ неоднократно, что отъ всякаго табаку у меня распухаютъ ноздри и кружится голова, прошу теперь оставить бѣдный мой носъ въ покоѣ.»

«Съ моей стороны есть большое усердіе услужить тебѣ, и не моя вина, если ты не испытаешь надъ собой трехъ качествъ, дарованныхъ, какъ я слышалъ отъ нашего дьячка, Природою табаку: — очищать, то есть, носъ, освѣщать глаза и оживлять умъ. Эхъ Борисъ *паничъ*! я тебя люблю

душевно—самъ не знаю, что меня тянетъ къ тебѣ, какъ *жабу* къ *болоту*, мы вѣдь не совсѣмъ чужіе. — Твоя прабабушка, дай Богъ память, дала слово крестить съ моимъ дѣдомъ, да на бѣду перебѣжалъ ей дорогу *сѣрый заяцъ*, — а это примѣта самая дурная — она и воротилась домой уже съ половины дороги. Дѣдушка твой покойный хотѣлъ быть у меня посаженнымъ отцемъ — случись же такая притча —у него издохла въ то время любимая его гнѣдая кобыла, по ней онъ бѣдняжечка очень тосковалъ, да чуть ли не тѣмъ и вѣкъ свой укоротилъ. Матушка твоя, когда была еще *панночкою*, жила близёхонько около насъ, только черезъ плетень; а батюшка твой, Полковникъ Василій Ѳедоровичъ, всегда ходилъ къ *панночкѣ* Варварѣ Ивановнѣ черезъ нашъ огородъ. Однажды вечеромъ, такъ хорошо помню, какъ будто бы вчера только случилось, я уснулъ подъ грушею; бестіи

комары обсѣли всю мою лысину; а онъ, голубчикъ мой, Василій Ѳедоровичъ проходя мимо, передушилъ всѣхъ ихъ до единой души. Лобъ мой запрещалъ, я проснулся и увидѣлъ побіеніе несмѣтной вражеской силы, за что всегдашній его богомолецъ!... О! ваше семейство издревле къ нашему всегда было близко! . . . . .»

«Не отъ нашихъ ли заводовъ у тебя лошади, коровы, овцы? . . . .»

«Те, те, те! отгадалъ, какъ отгадалъ! Все домоводство мое отъ твоего почтеннѣйшаго батюшки, даже Индѣйскія куры, свиньи Чухонскія, пчелы и всѣ деревья въ саду, по его милости, расплодились у меня.»

Здѣсь пустословіе словоохотнаго Стеблевца, къ удовольствію Кулябки, прервано появленіемъ Грибовскаго. Онъ былъ уже пожилыхъ лѣтъ, небольшаго росту, съ лицемъ пріятнымъ и взоромъ исполненнымъ жизни.

Стеблевецъ, здороваясь съ скрипачемъ, какъ съ стариннымъ знакомцемъ, и набивая свой носище табакомъ, подчивалъ имъ безъ отдыху своего товарища, который ни сколько не уступалъ ему въ нюханіи; за что Стеблевецъ обѣщалъ подарить ему большой рогъ, набитый табакомъ отъ Грека Крамали. Въ восторгѣ онъ раскраснѣлся, какъ ракъ, шишки его, висящія у ноздрей, налившись кровію, противъ огня просвѣчивали, подобно стклянкамъ на окнахъ аптеки, наполненнымъ различнаго цвѣта спиртомъ. Онѣ ударялись при каждомъ потряхиваніи головою, какъ побрякушки, привѣшенныя къ бубнамъ.

«Посмотри-ка сюда,» сказалъ Стеблевецъ Грибовскому: «это что, ты совсѣмъ не ожидалъ отъ меня такихъ проказъ—а? . . . . Вглядись хорошенько, узнаешь ли тотъ самый контрабасъ, на которомъ, въ зимніе вечера, я, безъ хвастовства сказать, такъ ма-

стерски подлаживалъ къ твоей скрипкѣ. Ну что, смѣешься. губки облизалъ, небось любо? — Эхъ! я самъ дѣлаюсь какъ шальной, когда припомнаю любезное времечко! . . . .»

«Какъ не узнать эту бандуру, выдолбленную изъ березоваго пня,» отвѣчалъ ему съ хохотомъ Грибовскій: «да я примѣчу ее за полверсты; очень помню, какъ ты пыхтѣлъ, таская ее изъ сарая въ свѣтлицу, дабы она спокойно цѣлый вечеръ простояла въ углу.»

«Это правда, что мой контрабасъ немножко великъ и тяжеленекъ; однако же, просимъ прислушать, на немъ дѣдъ мой готовился повеселить, въ день крестинъ своего внука, сирѣчъ меня, Олифера Протасьевича Стеблевца, достопочтеннѣйшую бабушку нашего Полковника. Но знать, въ книгѣ судебъ было уже написано, чтобы бестія *сѣрый заяцъ*, въ лѣсу, на половинѣ пути, перебѣжалъ ей дорогу; что-

бы покойница слегла въ постель и занемогла, да какъ занемогла, на силу ворожеи отшептали отъ испугу; чтобы самыя хватскія затѣи моего дѣдушки разстроились! . . . .»

«Вѣрю, вѣрю! По всему видно сколько лѣтъ твоей бандурѣ; я думаю, паукп и крысы не переводились въ ней; славное дупло, цѣлая свиная берлога въ ней можетъ помѣститься.»

«Не пристало тебѣ надъ своимъ братомъ *музыкою* насмѣхаться; ну, да я знаю, что ты только шутишь; а на сердцѣ нѣтъ ни крошки злости; вы всѣ семей отъ дѣда смирны, какъ ягнята.»

«Зачѣмъ же ты припащилъ сюда бандуру? — не для того ли, чтобы народъ собрался дивиться ей, какъ медвѣдю? Или не хочешь ли для домашняго обиходу нагрузить ее отъ стола всѣмъ съѣстнымъ и питейнымъ?»

«Эхъ! какъ ты недогадливъ! Знай же; — для сегоднишняго только вече-

ра я хочу подыгривать къ твоей скрипкѣ, чтобы составить пиръ на весь міръ; теперь кровь во мнѣ закипѣла; вспомянемъ молодечество; пускай заговорятъ объ насъ по всей Украйнѣ. Пусть узнаютъ *хлопцы*, *дѣвчата* и *молодицы*, что Олиферъ Стеблевецъ, въ такомъ званіи, двадесятъ лѣтъ имъ съ честью исправляемомъ, и въ такихъ лѣтахъ, ни сколько не перемѣнился и не состарѣлся душею; она въ его тѣлѣ такъ рѣзва, какъ у молодаго жеребенка.»

«Ого! да ты и меня перещеголяешь. Я побаиваюсь теперь не на шутку; право мнѣ стыдно будетъ передъ *панночками* остаться позади тебя.»

«Хе, хе, хе! не робѣй товарищъ; мой контрабасъ для твоей скрипки не опасенъ; нечего тебѣ бояться меня; во мнѣ только кровь кипитъ молодецкая, и сердце бьется точно какъ въ то время, когда я, въ первый разъ, спросилъ свою покойную Ганну, сва-

таясь на ней. *Дѣвчина!* любишь ли ты такого бойкаго *хлопца*, какихъ въ цѣломъ Кіевѣ немного, и какой теперь стоитъ передъ тобой, причарованный твоими ясными очами и бѣлой грудью, какъ медвѣдь цѣпью къ поясу Цыгана. — Шепнуть тебѣ на ушко правду—съ тѣхъ поръ какъ мы съ тобой въ послѣдній разъ играли, я и въ руки не бралъ контрабаса; многое уже позабылъ; немножко трушу, чтобы не сбиться съ толку, и не посрамить свою головушку.»

Коснувшись двухъ любимыхъ предметовъ, нюхальнаго табаку и знаменитаго древностію контрабаса, Кіевскій Голова, казалось, никогда не намѣренъ былъ прекращать свою болтовню.

Вдругъ раздался повелительный голосъ Полковника Кулябки: «Олиферъ! перестань изъ пустаго въ порожнее переливать; зачѣмъ ты мѣшаешь скрипачу повеселить гостей своимъ искус-

ствомъ; развѣ для того мы его призвали, чтобы слушать твои сказки?»

«Я только просилъ его,» отвѣчалъ Стеблевецъ: «почерпнуть одинъ нюхъ моего табаку, дабы, примѣрно сказать, оживился его мозгъ, и хотѣлъ разсказать случай, подавшій поводъ моему дѣдушкѣ соорудить контрабасъ, единственно въ честь вашей бабушки, которую бестія *сѣрый заяцъ*. . . . .»

«Помню! помню! слыхалъ я отъ тебя не разъ эту небылицу, кажется, ты далъ обѣтъ мучить всѣхъ вздоромъ, гнѣздящимся въ твоей пустой головѣ, и вѣрно лѣтъ сто будешь твердить одно и то же.»

«Изволили позабыть, немножко не отгадали, не сто лѣтъ прошло тому времени, а ровно минуло, въ день Николы *Мокраго*, 59 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ съ половиною, когда ваша покойная бабушка ѣхала къ моему покойн. . . . . .»

«*Ты ему про Ѳому, а онъ про Ерему!* Перестанешь ли ты молоть вздоръ спарый пустомеля; какъ языкъ у тебя не устанетъ отъ безпрестаннаго болтанія.»

Самолюбіе Кіевскаго Головы сильно пострадало отъ оскорбительныхъ рѣчей Полковника; но сила солому ломитъ — и онъ, не смѣя противорѣчить, прикусилъ языкъ, бормоча про себя: *не плюй въ колодецъ, доведется воды испить.*» Для поддержанія своей чести Стеблевецъ преважно усѣлся около Грибовскаго съ своимъ контрабасомъ, и, настроивъ его, взялъ смычокъ въ руки.

Виртуозъ игралъ Малороссійскія пѣсни съ варіаціями собственнаго сочиненія.— Сколько гармоніи, сколько чувства, сколько жизни было въ его игрѣ! Казалось, хороводы прекрасныхъ дѣвушекъ пѣли въ саду, приплясывая.— такъ натурально онъ выражалъ на скрипкѣ переливы голоса. *Панночки*

молоденькія прыгали вокругъ виртуоза, аккомпанируя ему свои любимыя пѣсеньки прелестнымъ голоскомъ; разсыпали передъ нимъ самыя лестныя похвалы, и чуть, чуть, не цѣловали его отъ восторга.

Стеблевецъ посматривалъ на всѣ стороны съ такою миною, какъ будто бы скрипачъ немало былъ обязанъ своей славою и его бандурѣ; не смотря на то, что онъ только при началѣ игры принимался за смычокъ, прислушиваясь къ тону скрипки, или лучше сказать, развѣсивъ свои ослиныя уши. Но когда Грибовскій вдавался въ фантазіи; тогда Стеблевецъ, разинувъ ротъ, всегда ронялъ изъ рукъ смычокъ и бандуру.

Въ то время, какъ Грибовскій своею плѣнительною игрою очаровывалъ сердца слушателей, въ пышныхъ свѣтлицахъ, изъ отдаленныхъ покоевъ разлился пріятнѣйшій запахъ для Украинскаго обонянія. Вслѣдъ за тѣмъ

явились на подносѣ серебряныя чарки, наполненныя Малороссійскою амвросіею — варенухою, издалека поразившею обоняніе пировавшихъ своимъ волшебнымъ дѣйствіемъ.

Отъ варенухи оледенѣлая кровь старушекъ отогрѣлась, а у молодыхъ женщинъ пришла въ волненіе; сердца всѣхъ развеселились: тогда онѣ, живущимъ многая лѣта, а умершимъ со святыми упокой, общимъ хоромъ пропѣли, и, какъ водится, прослезились. Слезы женщинъ, при пѣніи погребальной пѣсни, навели нѣкоторый родъ меланхоліи на бодрый духъ мужчинъ, ослабленный и размягченный парами варенухи.

Въ такомъ расположеніи мыслей виртуозъ предложилъ Полковнику слушать Фантазію—*смерть Твердовскаго.*—Получивъ на то его согласіе, онъ оживилъ свой геній доброю чаркою варенухи, и принялся настраивать скрипку. Ликующіе собесѣдники умолкли; наступи-

ла въ свѣтлицахъ мертвая тишина; каждый изъ гостей превратился почти въ одинъ слухъ; прочія чувства у нихъ какъ бы замерли на нѣсколько минутъ.

Должно замѣтить, что въ Малороссіи хранится преданіе — будто бы нѣкто Твердовскій, искусный скрипачъ, обучая музыкѣ какую-то Польскую Царевну, влюбился въ нее, и пользовался взаимною ея благосклонностію. Отецъ Царевны, однажды ночью, свѣдавъ о преступной ея любви, тотчасъ хотѣлъ самъ удостовѣриться въ истинѣ, схватить обольстителя въ спальнѣ своей дочери, и наказать любовниковъ. Услыша внезапный шумъ у дверей спальни, Твердовскій рѣшился спуститься въ окно по связаннымъ вмѣстѣ простынямъ; но къ его несчастію связанныя простыни оказались довольно короткими. Назадъ возвратиться было уже поздно, тамъ его ожидала позорная смерть; бро-

ситься съ высоты на землю, значило добровольно размозжить себѣ голову. Въ такомъ отчаянномъ положеніи, вися между небомъ и землею, Твердовскій, для своего избавленія, мысленно призывалъ черта. Будучи всегда готовъ къ подобнаго рода услугамъ, чёртъ мигомъ прилетѣлъ. Здѣланы обоюдныя условія: Твердовскій расписался кровью изъ обрѣзаннаго имъ на этотъ случай мизинца, что онъ, за спасеніе его отъ позорной смерти, отдаетъ свою душу черту въ вѣчное владѣніе; въ то время впрочемъ, когда онъ будетъ въ *Римѣ*; а чёртъ клялся бѣсовскою честію выполнять всѣ его требованія, безъ всякой отговорки. Такимъ образомъ Твердовскій былъ спасенъ, и долго наслаждался всѣми благами міра, какія только въ бѣсовской власти было ему доставлять. Однажды охотясь въ лѣсу, Твердовскій грозою былъ загнанъ въ корчму. Едва успѣлъ онъ туда взойти, какъ вороны

и грачи обсѣли всю корчму, страшно каркая; на всѣхъ спѣнахъ явилось, кровью написанное, роковое условіе: *Римъ*, и самъ Вельзевулъ предсталъ передъ него, требуя свое достояніе. Твердовскій, видя свою неминуемую погибель, упросилъ чёрта позволить ему, сыграть послѣднюю фантазію на разспаваніе души съ тѣломъ, въ которой изобразивъ будущія свои мученія, отдался искусителю.

Истинный смыслъ преданія, по видимому созданнаго невѣжествомъ и суевѣріемъ, покрытъ мракомъ неизвѣстности; равно неизвѣстно и то, какимъ образомъ фантазія дошла до насъ; — только волшебный смычокъ Грибовскаго выразилъ ее съ неподражаемымъ искусствомъ.

Виртуозъ уже кончилъ, а слушатели все еще сидѣли въ оцепенѣніи, не смѣя даже свободно перевесть дыханіе, и вперивъ взоръ на скрипку,

какъ будто бы въ ней томилась душа страдальца.

Сама природа, казалось, приняла на себя впечатлѣнія игры новаго Орфея; — черныя тучи надвинулись надъ златоверхими главами Кіевскихъ церквей; молнія ослѣпляла глаза; въ нѣсколько минутъ густой мракъ покрылъ землю. Небо содрогнулось при выраженіи страданій человѣка; раскаты грома съ страшнымъ трескомъ раздались подъ отдаленными сводами горизонта; тучи раздвинулись, и дождь хлынулъ рѣкою, какъ будто для того, чтобы утушить на мгновеніе томленія страждущей души.

Черезъ нѣсколько времени дождь пересталъ, мракъ мало помалу очистился, время приближалось уже къ полуночи; гости живущіе въ городѣ отправились по домамъ, а пріѣхавшіе изъ разныхъ мѣстъ расположились ночлегомъ у хозяина праздника, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ.

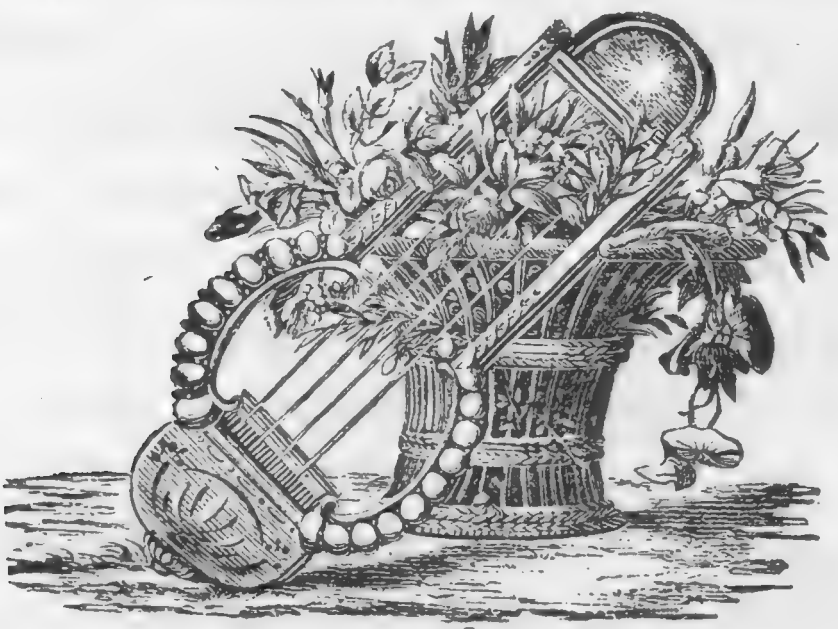
Весь запасъ постелей у Кулябки, ведущій свою родословную отъ самыхъ отдаленныхъ его предковъ, и спокойно почивавшій въ амбарахъ цѣлые годы, тогда призванъ былъ для употребленія; но оказался недостаточнымъ. Всѣ, поименованныя выше въ Польскомъ, плодородныя семейства расположились здѣсь, какъ дома. Пуховиковъ не достало; сѣно свѣжее, разостланное по поламъ свѣтлицъ, для многихъ служило постелью; нѣкоторые помѣстились въ кибиткахъ и бричкахъ.

Обозъ, состоявшій изъ 205-ти троекъ лошадей, требовалъ почти полугодоваго запаса сѣна и овса; а кучера, лакеи и прочая челядь, принадлежавшая къ этому огромному обозу, опустошили всѣ съѣстные припасы, плодъ долговременнаго, тяжко труда. Осушивъ цѣлую бочку сивухи, они перепились и подрались между собой.

Услыша ночью шумъ и драку, Господа ихъ пробудились, съ трудомъ роз-

няли пьяныхъ людей, которые, подчивая другъ друга дубинами, въ остервенении готовы были драться до полусмерти, и, для общаго спокойствія, принуждены были поклонниковъ бахуса связанныхъ запереть въ ледникъ, пока не испарился изъ ихъ головъ винный чадъ.

На другой день послѣ сытнаго завтрака, и подкрѣпивъ себя на дорогу разными наливками, всѣ гости разъѣхались въ разныя стороны, по своимъ домамъ.



* *
*

Послѣ разъѣзда гостей Кулябка сказалъ своей женѣ: «Понять немогу, что дѣлается съ нашей Ольгой; сколько ни старалась она казаться веселою предъ гостями, а все въ очахъ ея выражалась задумчивость. Всѣ *паничи* около нее увивались; она же, по моему замѣчанію, ни на одного изъ нихъ не обращала особеннаго вниманія. Прежняя рѣзвая, беззаботная какъ бабочка, Ольга, теперь больше похожа на голубку, у которой ястребъ похитилъ голубка; она пѣла большею частію заунывныя пѣсни, а по окончаніи игры Грибовскаго поблѣднѣла и плакала.»

«Я думаю,» отвѣчала ему жена: «что наша Ольга вчера испугалась грому; я не велѣла сегодня будить ее; пускай

выспится; можетъ быть, сномъ все пройдетъ.»

«Ты таки свое твердишь: Ольга испугалась, Ольгу сглазили; а я думаю —ни то, ни другое. Зачѣмъ она прежде не пугалась ни грому, ни молніи; всегда была весела и здорова до самого дня, какъ я свалился въ Днѣпръ; но съ тѣхъ поръ Ольгу нашу узнать нельзя. Сначала я полагалъ, что она печалилась по мнѣ, сомнѣваясь въ разсужденіи моего выздоровленія; но вотъ уже около года, какъ я выздоровѣлъ; дочь же наша не веселѣе, а день ото дня мрачнѣе становится.»

«Я съ вами совершенно одного мнѣнія,» подхватилъ молодой Кулябка: «съ чего взяли, что будто бы глаза одного человѣка имѣютъ вліяніе на характеръ и здоровье другаго. Лѣнивыя старухи выдумали эту нелѣпицу, чтобы звали ихъ отшептывать отъ какихъ-то *уроковъ*, надѣясь, такимъ

обманомъ, выманивать у легковѣрныхъ себѣ даромъ хлѣбъ.»

«Охъ вы ученые люди!» отвѣчала ему мать: «ничему не вѣрите до поры до времени, а не бось ни за что не пойдешь одинъ въ глухую полночь на кладбище, черезъ пустое мѣсто, черезъ лѣсъ, не переночуешь въ неосвященномъ домѣ!»

«Куда вамъ угодно, и въ какое время прикажете, вездѣ пойду; меня не испугаете вздоромъ. Однимъ трусамъ и невѣждамъ свойственно пугаться небывалыхъ, какихъ-то загадочныхъ явленій, будто бы показывающихся въ видѣ мертвецовъ, привидѣній, тѣней. Наименуйте мнѣ хоть одного умнаго человѣка и неробкаго, который бы собственными глазами видѣлъ дьявола, либо мертвеца.»

«Что ты, что ты дитятко! Господь съ тобой, да матерь Божія! ты хочешь все перевернуть вверхъ дномъ! Благодарствуемъ покорнѣйше;

— придалъ же ты намъ чести́й; — да за кого же ты считаешь мапь твою и всю родню. Начиная съ перваго и до 24-го колѣна, мы всѣ вѣримъ, что есть нечистый духъ, есть оборотни, есть мертвецы, есть вѣдьмы. Они-то пугаютъ, морочатъ крещеныхъ людей и сбиваютъ ихъ съ толку; — по твоему всѣ олухи, всѣ дураки! . . . . »

«Ни чуть я не называю всѣхъ людей дураками, а только не могу постигнуть, отъ чего заблужденіе умовъ и суевѣріе народное такъ глубоко пустили отрасли во всѣ сословія людей, что мы отъ колыбели и до могилы преусердно вѣримъ всѣмъ пустякамъ, каковыми глупыя няньки набиваютъ бѣдныя наши головы, болтая: было въ такомъ-то Царствѣ, видѣлъ такой-то, слыхала такая-то. Безъ сомнѣнія, зародышъ всѣхъ бабьихъ бредней скрывается въ глубокой древности языческа, когда жрецы, дабы держать суевѣрный народъ въ невѣжествѣ и

безпредѣльномъ почитаніи бездушныхъ истукановъ, гремѣли изъ глубины капищъ, поражая проклятіями слабыя души почти полудикихъ людей, либо внезапно появляясь изъ пустопы болвана въ видѣ различныхъ пугалищъ, созидаемыхъ воображеніемъ. Совершенное незнаніе естественныхъ наукъ, питая суевѣріе, въ самыхъ обыкновенныхъ явленіяхъ природы всегда искало чего-то небывалаго, чудеснаго, и всякій, сколько нибудь знакомый съ силами природы Физическими и Химическими, считался между невѣждами чародѣемъ, знающимся съ нечистою силою и способнымъ вызывать злыхъ духовъ. Но намъ Христіанамъ, озареннымъ свѣтомъ Евангельскаго ученія, стыдно платить дань суевѣрію язычества. — Съ тѣхъ поръ, какъ я прослушалъ полный курсъ Баумейстровой Философіи, всегда держусь позиціи: «a non posse ad non esse valet con-

sequentia (*), и никогда не повѣрю тому, чего не видалъ собственными глазами.»

«Куда какъ красно ты читаешь, будто по книгѣ. Хоть ты и полатини называлъ его; однакожъ я тотчасъ догадалась, что ты разсказывалъ про какого-то Бурмистра. Пожалуй, назови его какъ хочешь — пожидовски, или даже побусурмански; а все ему не справиться съ нашимъ почтеннымъ Бурмистромъ, который сидитъ за столомъ въ Ратушѣ, надувшись какъ *индыкъ*. По цѣлымъ днямъ онъ проспиживаетъ тамъ, не разжимая губъ, безъ всякаго дѣла; а глядитъ, будто даритъ рублемъ; за то уже не попадайся ему на голодные зубы; дастъ себя знать. Какъ ты думаешь; — битую недѣлю нашъ Бурмистръ судилъ Жида съ молочницею, которые поссорились за козла и поросёнка! . . . . .»

*) Отъ невозможности къ недѣйствительности слѣдуетъ заключеніе.

«Воля ваша матушка! я и не оспориваю чести у вашего Бурмистра; — безъ сомнѣнія толковать по цѣлымъ недѣлямъ о козлѣ и поросенкѣ велikое дѣло! . . . . Мой Баумейстеръ не достигъ еще такой премудрости, онъ написалъ только полезную для учащихся книжку на Латинскомъ языкѣ.»

«Ты ни дать ни взять твой покойный дѣдушка, — бывало старикъ начнетъ читать полатини, какого-то Квинта *Куцаго*, исторію Александра Македонскаго. Я дремлю, да слушаю; а онъ толкуетъ мнѣ, какъ этотъ Царь зашелъ въ безводныя пустыни, гдѣ не было и звѣрей, не только людей живыхъ, и, чуть, чуть не положилъ-было тамъ свою буйную головушку. Надоѣла мнѣ эта проклятая Латынь, за полночь иногда продерживалъ меня покойный батюшка, толкуя надъ своимъ любимцемъ Квинтомъ *Куцымъ*. Ты по немъ пошелъ; только меня не заставишь слушать; просимъ не

прогнѣваться;хоть ты выдумай Квинта съ рогами и съ хвостомъ; меня дремота одолѣваетъ, когда вспомню о прошедшемъ. Толкуй съ отцемъ иолатини, когда у него есть охота слушать сказки; а я, чтобы избавиться отъ заразы и ереси, заблаговременно отсюда уйду.»

«Ко мнѣ сынъ мой,» сказалъ ему растрогавшійся отецъ:» сюда ближе къ сердцу, крѣпче обними меня, я тобой очень доволенъ; ты прекрасно выразилъ, объ чемъ я давно уже думалъ; труды и издержки мои на твое воспитаніе не напрасно потеряны; ты дѣлаешь честь нашему дому. Поручаю тебѣ заботиться о разсѣяніи задумчивости твоей сестры; ты любишь ее столько, какъ должно любить брату. Если дѣйствительно въ головѣ ея гнѣздится несчастная мысль, что ее сглазили; — постарайся искусно доказать ей ложность таковаго мнѣнія.»

Разставшись съ отцемъ, юноша услышалъ звукъ гуслей, раздавшійся изъ комнаты сестры, и поспѣшилъ къ ней провѣдать въ какомъ состояніи находилась она послѣ вчерашняго праздника. Ольга, сидя за гуслями въ глубокой задумчивости, нестройно ударяла пальцами по струнамъ, и, казалось, по издаваемымъ ею звукамъ, старалась припомнить послѣднюю фантазію, которою Грибовскій вчера сильно поразилъ слушателей. Увидѣвъ брата, милая дѣвушка обратилась къ нему съ нѣжно-умоляющимъ взоромъ, неотступно упрашивая его достать отъ виртуоза ноты, изображающія *смерть Твердовскаго.*

«Что тебѣ дѣлать съ этими нотами», спросилъ ее братъ: «въ нихъ выражается такъ много печальнаго, много наводящаго на душу ужасъ; зачѣмъ разстроивать себя; ты и безъ того всегда очень печальна.»

«Я люблю все грустью дышущее,» отвѣчала ему Ольга: — «все печальное; для меня веселыя пѣсни когда-то больше нравились; теперь же заунывныя пріятнѣе; онѣ какъ-то питаютъ мой духъ; кажется, жизни во мнѣ прибавляется, когда я слушаю томное воркованіе горлицы. . . .»

«Отъ чего же вдругъ произошла въ тебѣ такая нечаянная перемѣна; ты всегда была весела, прыгала, смѣялась, какъ весенній цвѣтокъ; теперь же совсѣмъ увяла, какъ осенній листъ. Я не узнаю въ тебѣ мою сестрицу, мою Ольгу всегда улыбавшуюся, всегда порхавшую, какъ мотылекъ съ цвѣтка на цвѣточекъ.»

«А будто я теперь и не весела; я всегда, какъ и прежде, гуляю въ саду, ѣзжу въ поле, на хуторъ, бѣгаю, пою, играю, только люблю болѣе томныя нѣжныя пѣсни, чѣмъ веселыя; изъ этого, кажется, не слѣдуетъ еще заключать, чтобы я душевно скучала, вѣдь

на лицѣ моемъ не написано грусти, не правда ли?»

«Глаза-то твои больше всего и выражаютъ грусть душевную; — скажи мнѣ милая сестрица, открой твое сердце твоему брату, твоему другу, какая тайная печаль тяготитъ его?»

«Какая же печаль? — Я ея не знаю; можетъ быть, лице невесело у меня отъ того, что я немножко не доспала, видѣла непріятный сонъ . . . . . ты сегодня, милый братецъ, принесешь мнѣ ноты отъ Грибовскаго?—Да!.... Я тогда буду весела, очень весела, буду хохотать, пѣть, играть сколько тебѣ угодно, и, можетъ быть, ты не назовешь меня тогда скучною!»

«Батюшка замѣтилъ, что ты грустишь съ тѣхъ поръ, какъ онъ упалъ въ Днѣпрѣ, и опасается даже не отъ испугу ли ты страдаешь уже неизцѣлимымъ недугомъ?»

«О, нѣтъ! испугъ мой въ то же время прошелъ, какъ батюшка зары-

тый въ пескѣ очнулся, и я не чувствовала послѣ того ни какихъ дурныхъ послѣдствій.»

«Матушка полагаетъ, что тебя испортили какія-то нечистыя очи; а я подозрѣваю, что они заразили твое сердце, и по всѣмъ признакамъ эти очи иногда прогуливаются въ *Заднѣпровской рощѣ* . . . . кого ты тамъ видала, скажи милая сёстрица?»

«Мы тамъ съ матушкою видали рыбаковъ, пастуховъ, барашковъ, пасшихся на берегу, земледѣльцевъ, пахавшихъ землю, слышали пѣніе соловья, наслаждались игрой на скрипкѣ того самого, котораго матушка назвала злымъ оборотнемъ; но я думаю, что *онъ* только несчастливъ, а право очень добръ; вѣдь *онъ* спасъ нашего батюшку! . . . .»

«Гмъ! такъ ты его знаешь, а какъ его зовутъ?»

«Я видѣла его только одинъ или два раза — не помню . . . . *онъ* сказывалъ

тогда мнѣ свое имя, но такъ испугалъ меня, что я отъ страху, ей, ей, позабыла его мудреное прозваніе . . . .»

Здѣсь разговоръ между братомъ и сестрой пресѣкся, затѣмъ что Ольга весьма неопредѣлительно отвѣчала на дальнѣйшіе вопросы; она отъ чего-то смутилась; ей какъ будто бы стыдно было открыть свое сердце. По крайней мѣрѣ Борисъ остался доволенъ и тѣмъ, что успѣлъ *вывѣдать* отъ невинной дѣвушки, и, основываясь на загадочныхъ ея отвѣтахъ, составилъ въ головѣ планъ — произвести свои изслѣдованія въ *рощѣ*, не откроетъ ли тамъ удовлетворительной причины задумчивости своей сестры. Но прежде того онъ положилъ достать ей отъ Грибовскаго ноты, изображающія *смерть* несчастнаго музыканта *Твердовскаго*. — Она желала разыгрывать ихъ на гусляхъ; она такъ умильно просила; любимой сестрицѣ могъ ли

оказать добрый снисходительный братецъ.

Вечеромъ Борисъ отправился къ Стеблевцу, надѣясь тамъ застать самого виртуоза Грибовскаго. Въ то время Олиферъ, сидя на скамейкѣ у воротъ, нѣжилъ вечернею прохладою тучное свое тѣло: между прочимъ онъ сердито шумѣлъ на свою работницу и, почти со слезами на глазахъ, умолялъ ее слѣдующими словами. «Безсовѣстная женщина! побойся ты Бога! скажи мнѣ, сдѣлай великую милость; зачѣмъ ты выпустила телятъ къ коровамъ; вѣдь они все молоко высосутъ; завтра праздникъ; а мнѣ нечѣмъ будетъ, какъ слѣдуетъ похристіански, и оскоромить грѣшную душу.»

Наконецъ, пыхтя и синѣя отъ злости, Стеблевецъ схватилъ дубину и поползъ такъ поспѣшно, какъ только позволяла ему тучность тѣла, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ излить свой гнѣвъ, посредствомъ дубины, на спи-

ну бѣдной работницы; но въ самомъ пылу остановленъ былъ за руку Кулябкою.

Устыдясь тогда своей запальчивости Стеблевецъ почтительно кланялся Кулябкѣ, и въ замѣшательствѣ поднялъ — было руку, какъ бы желая скинуть шапку, но ее не было на головѣ. —Почему, дабы трудъ не былъ пона прасну потерянъ, онъ въ вознагражденіе почесалъ себѣ затылокъ; потомъ, поглаживая свой *губъ* и потряхивая красными шишками, привѣшенными къ его носу, сказалъ.

«Я давно жду тебя мой *паничъ*, и приготовилъ самаго свѣжаго табаку изъ настоящей Роменской махорки, доставленной мнѣ вчера только съ ярмарки; понюхай дорогой мой гостикъ. Очень жаль, смертельно сердце мое болитъ, когда я вспомню, что твоей прабабушкѣ бестія *сѣрый заяцъ* перебѣжалъ дорогу, а у дѣдушки пала любимая гнѣдая — мы бы тогда гораздо

болѣе породнились. Не примѣчаешь ли ты, что я, примѣрно сказать, съ твоимъ батюшкой іота въ іоту; мы съ нимъ точно родные братья; ты еще не знаешь меня хорошенько; намъ должно короче познакомиться. Олиферъ Стеблевецъ не послѣдній человѣкъ у Бога на бѣломъ свѣтѣ!—Да! . . . . Что же ты не нюхаешь? Почтеннѣйшій! . . . . да поднеси хоть къ носу!»

Кулябка, будучи въ затруднительномъ положеніи, не могъ придумать какъ бы отдѣлаться отъ нахальнаго враля, недававшаго ему выговорить ни слова; но къ большому его удовольствію подоспѣлъ въ самую пору Грибовскій, согласившійся съ охотою послать въ свой носъ нѣсколько порцій Роменскаго табаку.

Отъ восторга Стеблевецъ метался, какъ угорѣлый, обнималъ Грибовскаго толстыми короткими руками, чуть, чуть не плакалъ, и, будучи объятъ какимъ-то пророческимъ духомъ,

воскликнулъ: «теперь-то я вижу, что ты не умрешь, но будешь жить; о тебѣ промчится слухъ изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ; ты нюхаешь такъ же мастерски, какъ и играешь на скрипкѣ; ты весь въ меня. — Пойдемъ теперь въ свѣтлицу, выпьемъ стараго Венгерскаго, которое хранится въ погребѣ отъ моего дѣда, съ тѣхъ поръ, какъ онъ крестилъ своего внука, сирѣчь Олифера Протасьевича, нынѣшняго Кіевскаго градскаго Голову, Стеблевца.»

Въ свѣтлицѣ старинные знакомцы, осушивъ по нѣскольку чарокъ добраго вина, принялись за музыку. Стеблевецъ съ своей бандурою помѣстился рядомъ около скрипача, и бралъ смычокъ въ руки для того, чтобы опять ронять его при звукахъ волшебной игры Грибовскаго и ротозѣить.

Пользуясь веселымъ расположеніемъ духа виртуоза, Кулябка изъявилъ ему свое желаніе, имѣть фантазію на

смерть Твердовскаго, и просилъ его переложить ее на гусли. Хмѣльной Стеблевецъ тутъ же присоединилъ свои просьбы, грозя даже, въ случаѣ отказа, не аккомпанировать ему на контрабасѣ; не давать ни одного нюха табаку изъ Роменской махорки; и никогда не подчивать дѣдовскимъ Венгерскимъ.

Неизвѣстно чѣмъ убѣдился Грибовскій просьбами или угрозами; а вѣрнѣе всего, что винные пары, разгорячившіе его голову, подстрекнули честолюбіе виртуоза — удовлетворить желанію молодаго Кулябки.

Дѣло мастера боится, а у всякаго мастера отъ винныхъ паровъ геній развертывается — на такомъ-то основаніи Грибовскій, осушивъ чарку Венгерскаго, переложилъ со скрипки на гусли фантазію на *смерть Твердовскаго*; а Кулябка, достигнувъ своей цѣли, поспѣшилъ къ сестрицѣ.

По уходѣ Кулябки Стеблевецъ, съ трудомъ ворочая языкъ, сказалъ Грибовскому: «Какъ мнѣ жаль, что дочь Кулябки испорчена, я истинно, душевно объ ней скорбѣю, какъ свой — ну, какъ почти родной. Знаешь ли ты, что ея покойная прабабушка ѣхала и бестія *сѣрый заяцъ* . . . .»

«Знаю, знаю,» отвѣчалъ Грибовскій: «ты разсказывалъ мнѣ объ этомъ безъ счету.»

«Какіе братъ счеты между пріятелями; чистосердечно признаюсь, что я не люблю считаться; пей братъ сколько душѣ угодно; въ другой разъ удастся ли, знатное винцо! . . . . А Ольга Васильевна славная *панночка*, только говорятъ, между нами будь сказано, что она иногда поетъ пѣтухомъ, встаетъ съ курами и ходитъ по церковной крышѣ пверже, чѣмъ я теперь по полу.»

«Не уже ли ничѣмъ нельзя помочь этой бѣдѣ? Что же родители теря-

ютъ время дорогое понапрасну, развѣ дочка имъ немила?»

«Чего уже не дѣлали родители для любимой дочери, развѣ только птичьяго молока ей не доставало, да цѣлительной и живительной воды. Родительница ея Варвара Ивановна служила молебни во всѣхъ церквяхъ, дѣлала богатые вклады въ церковныя кассы, надѣляла нищихъ, ходила пѣшкомъ съ дочерью на поклоненіе святымъ угодникамъ, водила ее къ Печерскому схимнику для благословенія и окропленія святою Крещенскою водою; но благочестивыя предпріятія Христіанскаго усердія не излечили Ольгу отъ недуга. Стало быть не отъ чистаго сердца молились, что Господь не внялъ ихъ моленіямъ.»

«Терпѣніе нужно имѣть,» «*за терпѣніе даетъ Богъ спасеніе,*» «говоритъ пословица.»

«То-то и есть, что Варвара Ивановна не имѣла терпѣнія; грѣшная

женщина какъ и всѣ мы; молиться-то она молилась, да хотѣла ускорить выздоровленіе своей единородной дочери, и собрала всѣхъ Кіевскихъ вѣдьмъ на совѣтъ; онѣ общимъ приговоромъ рѣшили, что дѣвушку сглазили нечистыя очи злыхъ людей. Главная Кіевская вѣдьма *баба—деревяшка* съ совиными глазами, у которой лице, знаешь, имѣетъ большое сходство съ раздавленною черепахою, а голосъ съ мычаніемъ взрослаго теленка, взялась лечить Ольгу. Сѣдая ворожея купала *паночку* въ 12-ти водахъ, взятыхъ изъ 12-ти колодцевъ, съ примѣсью воды дождевой и изъ растаявшаго льду, поила больную девятью травами, собранными въ извѣстные дни, около полуночи водила ее въ курятникъ, окуривала птичьимъ пометомъ, шептала ей каждый день до восхожденія и послѣ заката солнца; но всѣ усилія человѣческія тщетны тамъ, гдѣ нѣтъ благодати Божіей. — Ольга страдаетъ

недугомъ сердечнымъ по прежнему, а *баба—деревяшка* съ горя утопилась. Выпьемъ братъ за упокой грѣшной ея души; да ты дремлешь уже, какъ я вижу; плохой же ты товарищъ!...»

Между тѣмъ, какъ Стеблевецъ, самъ прихлебывая изъ чарки, уподчивалъ и Грибовскаго до того, что оба предались въ объятія Морѳея, Борисъ Кулябка возвратился домой. Не смотря на то, что было уже поздно, Ольга встрѣтила его на крыльцѣ, и, не давъ ему времени опомниться, вырвала изъ рукъ ноты и бѣгала по комнатамъ, прыгая отъ радости какъ ребенокъ; потомъ бросилась на шею брату, называя его самыми нѣжнѣйшими именами, и столько благодарила за доставленіе желаемаго ею сокровища, какъ будто-бы онъ даровалъ ей жизнь.

Таковая внезапная перемѣна печали въ радость при полученіи фантазіи, изображающей *смерть* человѣка, по

народному преданію, погубившаго свою душу, заставила Бориса подозрѣвать въ сестрѣ своей переходъ меланхоліи въ помѣшательство ума. Это-то побудило его поспѣшить своими изслѣдованіями въ *Заднѣпровской рощѣ*.

* *
*

На другой день Борисъ Кулябка съ ружьемъ, отправился черезъ Днѣпръ на лодкѣ въ извѣстную намъ *рощу*, сказавъ дома, что онъ намѣренъ тамъ охотиться.

Переправясь на другую сторону, Борисъ привязалъ лодку къ корню ближайшаго дерева; а самъ съ собакою, углубляясь въ густоту деревьевъ, пробрался къ той чащѣ лѣса, гдѣ обиталъ какой-то *невидимка—виртуозъ*. Онъ слышалъ издали пріятнѣйшіе звуки симфоніи, вторимые лѣснымъ эхомъ; но приближаясь къ желаемому пункту, не слышалъ уже музыки; а только одинъ шелестъ древесныхъ листьевъ. Собака его, почуя слѣдъ чужой,

бросилась преслѣдовать уходившаго — слышно было потомъ вдали, что кто-то ударилъ собаку. Вѣрное животное, испустивъ пронзительный визгъ, воротилось къ своему хозяину.

Нѣсколько дней Кулябка провелъ въ тщетныхъ попыткахъ провѣдать что либо о *невидимкѣ-музыкантѣ*; наконецъ пришло ему на мысль отплатить *скрипачу* тою же монетою. Однажды взявъ съ собою скрипку, онъ достигъ, какъ можно осторожнѣе, извѣстнаго мѣста, и началъ вторить *невидимому виртуозу*. Намѣреніе его увѣнчалось совершеннымъ успѣхомъ — кусты раздвинулись, *таинственный* человѣкъ явился и привелъ его въ изумленіе.

Долго стоялъ Кулябка, не двигаясь съ мѣста и устремивъ неподвижный взоръ на *скрипача*; какъ бы насквозь желалъ его проникнуть; потомъ вдругъ воскликнулъ: «это ты Викторъ Гулакъ! Зачѣмъ же ты такъ долго отъ

меня скрывался?—Будто бы нѣсколько лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались? Неужели ты такъ скоро позабылъ своего товарища Академическаго?»

«Тебѣ извѣстна непримиримая вражда нашихъ отцевъ,» отвѣчалъ ему Викторъ Гулакъ: «суди же самъ, съ какими глазами я могъ показаться сыну Кулябки послѣ того, какъ отецъ мой посягалъ на жизнь его отца; хотя я вовсе непричастенъ въ умыслѣ отцовскомъ. Но ты употребилъ такой способъ вызвать меня изъ уединенія, къ которому я, при всемъ моемъ стоицизмѣ, не могъ остаться равнодушнымъ. Потерявъ всякую надежду видѣть когда либо сестру твою, которая естественно должна ненавидѣть меня, какъ человѣка носящаго ужасное для нея прозваніе Гулака, прошу тебя, въ память старой нашей дружбы, сказать сестрѣ своей, что въ сердцѣ моемъ навсегда сохранится милый ея образъ.»

«Объяснись, я тебя не понимаю, гдѣ ты имѣлъ случай познакомиться съ моей сестрой, она никогда объ этомъ не говорила.»

«Ты все узнаешь, выслушай: черезъ годъ послѣ тебя окончивъ курсъ Академіи, я возвратился домой съ сладкой надеждою въ душѣ, спокойно наслаждаться радостями семейственными подъ кровомъ родительскимъ. Но жестоко обманулся — вся надежда на лучшую будущность, кажется, рушилась съ тѣхъ поръ, какъ я ступилъ черезъ порогъ родной. Не успѣлъ еще я привѣтствовать, какъ должно сыну родины, мѣста лелѣявшія мое дѣтство, какъ отецъ мой, возлагая на меня обязанность противную долгу чести, помрачилъ ясные дни мои. Увѣряя меня, что онъ лишился мѣста, будто бы происками смертельнаго врага своего, Василія Кулябки, родитель мой требовалъ отъ меня клятву—мстить до гроба, всѣми возможными средствами, семейству

Кулябки. Я видѣлъ, что ненависть его къ почтенному человѣку, будучи поддерживаема однѣми догадками, была вовсе не справедлива, и рѣшительно отказался дать ему нелѣпую кляпву. Стараясь вывесть отца своего изъ заблужденія, я болѣе ожесточилъ его противъ мнимаго врага, и тѣмъ навлекъ на себя его гнѣвъ. Нѣсколько времени прошло такимъ образомъ у насъ въ безпрерывныхъ спорахъ по этому предмету. Однажды утромъ я шелъ къ отцу въ комнату, и, услышавъ тамъ незнакомый голосъ, остановился у дверей.—Но звуки чужаго голоса не доходили уже до моихъ ушей; изъ отцевскихъ же рѣчей я разслушалъ только слѣдующія слова: «смотри же, не дай промаху, сегодня . . . . . въ *рощу* . . . . Кулябка . . . . . въ лодку . . . . Днѣпръ . . . . вода.»—Дверь отворилась; оттуда вышелъ мужикъ съ воровскимъ взглядомъ и злой усмѣшкою; повидимому, онъ такъ занятъ былъ своимъ порученіемъ,

что вовсе не примѣтилъ меня. Тогда я удалился въ свою комнату, и тамъ на свободѣ предался размышленіямъ; отрывистыя слова, мной слышанныя, поселили во мнѣ большое подозрѣніе. Не дождавшись еще вечера, я отправился въ *рощу* на берегъ Днѣпра, гдѣ обыкновенно приставали переѣзжающіе; часа черезъ два челнокъ съ той стороны причалилъ къ берегу; изъ него вышелъ благополучно почтенный твой родитель съ сестрицею. Подошедъ къ перевощику, я узналъ въ немъ того самаго человѣка, которому отецъ мой утромъ отдавалъ порученія для меня подозрительныя. Отъ всего сердца я желалъ бы предостеречь твоего отца отъ предстоявшей ему опасности; но какой сынъ обвинитъ своего родителя по однѣмъ только догадкамъ — это было бы противно законамъ Божескимъ и человѣческимъ. Я рѣшился строго наблюдать за перевощикомъ, и, въ случаѣ

какого либо, со стороны его, злаго умысла, тотчасъ подать отцу твоему помощь. Съ такими мыслями я отправился вслѣдъ за ними, и занявъ любимое мѣстечко, своими фантазіями довольно долго продержалъ ихъ въ *рощѣ*. Тщетно взоръ ихъ искалъ *невидимаго скрипача*; густота деревьевъ скрывала меня отъ ихъ очей. Прогулка кончилась; отецъ съ дочерью возвратились къ челноку; я слѣдовалъ за ними, и спрятался за кустомъ. Едва только успѣлъ Полковникъ взойти въ челнокъ, и наклонился къ берегу, подавая руку дочери; какъ извергъ перевощикъ, мужикъ дюжій, безжалостно толкнувъ его въ воду, самъ поспѣшно отвалилъ. Дѣвушка вскрикнула отчаяннымъ голосомъ; я стремглавъ бросился изъ-за куста въ рѣку; мнѣ удалось вытащить твоего отца почти утопавшаго, и привесть его къ жизни. Благороднѣйшій человѣкъ предлагалъ мнѣ подарокъ — я отказался отъ

награды; она мнѣ не принадлежала; я сдѣлалъ такую услугу, которую всякій на моемъ мѣстѣ оказалъ бы своему ближнему, видя его въ подобномъ несчастіи. Онъ просилъ меня сказать ему по крайней мѣрѣ свое имя; прелестная дѣвушка обратила ко мнѣ умоляющіе взоры; они глубоко проникли въ мое сердце. — Но какая была бы отъ того для меня польза, къ чему послужило бы имъ знать мое имя? Оставаясь неизвѣстнымъ, я наслаждался мыслію, что имѣю полное право на признательность сердецъ благородныхъ; а узнавъ фамилію для нихъ ненавистную, они, можетъ быть, не изъявили бы мнѣ даже холодной благодарности. — Отыскавъ рыбацкую лодку, по близости находившуюся, я привелъ къ нимъ перевощика, и самъ наблюдалъ, какъ они переправились на другой берегъ; потомъ медленными шагами побрелъ домой съ какою-то грустью въ сердцѣ,

будто бы разстался съ родными. Съ тѣхъ поръ каждый день влекло меня въ *рощу*, какъ бы магнитомъ; какая-то невѣдомая сила причаровала меня къ берегу Днѣпра; по цѣлымъ вечерамъ просиживалъ я, глазѣя вдаль по водамъ быстрой рѣки, съ ожиданіемъ — не увижу ли прекрасной; но протекло нѣсколько недѣль въ напрасныхъ ожиданіяхъ. Между тѣмъ несчастный мой отецъ помѣшался въ умѣ, и къ крайнему *прискорбію*, не узнавая даже своего сына, умеръ на моихъ рукахъ, безъ Христіанскаго покаянія. Стыдъ и раскаяніе — при мысли, что сынъ, узнавъ о преступномъ замыслѣ отца, исхитилъ изъ рукъ его жертву, назначенную имъ для погубленія; а равно и ожесточеніе противъ великодушія врага, немстившаго за обиду, прежде времени убили злополучнаго. Предавъ землѣ *священные остатки любезнаго* для меня, хотя и преступнаго родителя, я по прежнему питалъ свою мелан-

холію, въ густотѣ *рощи*, унылыми звуками моей скрипки, и наконецъ дождался, что красавица моя опять явилась прогуливаться, только не съ отцемъ, а съ матерью. Едва только она успѣла ступить на берегъ, какъ прыгая за бабочками, оставила мать назади, а сама приблизилась къ любимому мною мѣсту. Замѣтивъ, что она съ крайнимъ любопытствомъ старалась проникнуть въ густоту кустовъ; я поспѣшно вышелъ оттуда, и, преградивъ ей дорогу, спросилъ: не потеряли ли вы здѣсь чего нибудь?»

«Я!» воскликнула дѣвушка смѣшавшись и приложивъ руку къ сердцу: «нѣтъ; ничего не потеряла; а васъ опять нашла и очень рада. Мы съ матушкою нарочно за тѣмъ пріѣхали; досихъ поръ мы не могли этого сдѣлать; батюшка мой былъ отчаянно нездоровъ. — Вотъ матушка моя приближается; неужели вы и ей откажетесь объявить ваше имя, для насъ незабвен-

ное священное? Вы ангелъ хранитель нашъ; не лишайте насъ послѣдняго утѣшенія—сохранить на память ваше имя въ сердцахъ, истинно къ вамъ расположенныхъ и умѣющихъ цѣнить вашъ благородный поступокъ.»

«Имя мое, отвѣчалъ я, будетъ для васъ ужасно, какъ имя закоснѣлаго злодѣя; лучше для меня наслаждаться вашею признательностію, оставаясь неизвѣстнымъ; чѣмъ подпасть вашему негодованію; оно убьетъ меня.—Потомъ поспѣшно удалился, кинувъ на нее томный взглядъ; уходя я слышалъ какъ она глубоко вздохнула; этотъ вздохъ многое высказалъ. Такимъ образомъ мы нерѣдко видались съ прекрасною въ любимой мною густотѣ кустовъ. Я не могъ ошибаться; глаза красавицы ясно выражали любовь; но, опасаясь разрушить очарованіе, я не соглашался открыть ей свое имя, и какъ только мать приближалась къ намъ, я тотчасъ удалялся, не бывъ ею

примѣченнымъ. Наконецъ въ одинъ вечеръ, разыгрывая *смерть Твердовскаго*, я погрузился въ размышленія, и прозѣвалъ время, когда мои гости должны были причалить къ берегу. Окончивъ фантазію, я услышалъ позади себя легкій шелестъ; — оглянулся назадъ; — моя прекрасная стояла подлѣ меня, и слезы, какъ перлы, капились изъ свѣтлыхъ ея очей. Васъ трогаютъ чужія несчастія, спросилъ я ее, ваша нѣжная душа не можетъ оставаться равнодушною при звукахъ трогательной мелодіи; — неужели юное сердце страдаетъ — вы любите? . . . .»

«Я люблю всѣхъ добрыхъ людей,» отвѣчала она, «и не могу безъ слезъ видѣть несчастныхъ, сердце мое обливается кровью отъ страданій ближняго, когда я не въ состояніи облегчить его злополучія.»

«Стало быть вы считаете меня несчастнымъ, злополучнымъ? О, нѣтъ!

я очень, очень счастливъ, я пользуюсь вашей дружбою.»

«У васъ должно быть на сердцѣ большое горе; вы всегда играете заунывныя пѣсни, и удаляетесь отъ добрыхъ даже людей.»

«Вы отгадали; мое сердце горюетъ день и ночь; оно любитъ васъ безъ всякой надежды! . . . .»

«Несправедливый человѣкъ! я васъ увѣряла нѣсколько разъ, что вы привязали меня къ себѣ вѣчной признательностію, посредствомъ вашего благороднаго поступка. Ваше таинственное несчастіе равномѣрно и меня тяготитъ; я желала бы отъ всего сердца принять половину его на себя; только бы васъ облегчить! . . . .»

«Неужели вы хотите меня осчастливить? Долженъ ли я вѣрить своему блаженству? Вы меня любите? Будете ли любить и тогда, какъ узнаете мое имя?»

«Всегда, какъ бы ни было оно по словамъ вашимъ ужасно!»

«Имя мое, Викторъ Гулакъ, произнесъ я съ трепетомъ, ожидая рѣшенія своей участи, какъ преступникъ, положившій голову на плаху; отецъ мой искалъ смерти вашего отца!...»

Какъ будто змѣя люта́я изъ-подъ цвѣтовъ ужалила дѣвушку; она бросилась отъ меня съ быстротою молніи — челнокъ мгновенно скрылся изъ глазъ моихъ. Съ тѣхъ поръ напрасно взоръ мой блуждалъ по струистымъ водамъ быстраго Днѣпра; моя прекрасная не являлась; за чѣмъ я не довольствовался ея нѣмою любовію? Желалъ большаго, и въ одно мгновеніе все потерялъ!»

«Однако же ты напрасно отчаяваешься,» отвѣчалъ ему Борисъ: «горю твоему легко помочь. Отецъ твой уже не существуетъ, а съ нимъ и вражда, раздѣлявшая наши домы, исчезла, сынъ непричастенъ преступленію

отца. Ты спасъ жизнь моему родителю; за такую услугу онъ ничѣмъ неможетъ вознаградить тебя, кромѣ руки своей дочери, которая отъ любви къ тебѣ изныла въ тоскѣ.»

«Повтори еще!.... такъ ли я слышалъ? Твоя сестра меня любитъ! Я могу надѣяться! . . . .»

«Да! сестра моя Ольга очень любитъ тебя, и, сообразивъ ея слова съ твоимъ разсказомъ, я вижу, что она раскаявается, оставивъ тебя въ отчаянномъ положеніи, безъ всякой почти надежды. Но, безъ сомнѣнія, она боялась оскорбить батюшку, продолжая связь съ сыномъ человѣка, безъ всякой причины, изъ одной только злости, посягавшаго на жизнь ея родителя. За то душа бѣдной Ольги сильно страдала; въ продолженіе почти цѣлаго года она не видала веселыхъ дней.»

«Прекрасная дѣвушка! Ангельская душа! А я думалъ, что она возненавидѣла меня, дай же мнѣ взглянуть на

нее хоть одинъ разъ, не лиши злополучнаго его послѣдняго утѣшенія въ жизни, пусть я услышу изъ ея прелестныхъ устъ, что она меня не презираетъ.»

«Имѣй терпѣніе, не торопись, прежде всего нужно предупредить о тебѣ Ольгу и родителей моихъ. Поступокъ твой съ моимъ отцемъ сильно за тебя ходатайствуетъ, доказывая очевидно, что ты ни сколько не причастенъ въ чужомъ злоумышленіи. Надѣюсь, что все кончится по твоему желанію, и къ общему нашему благополучію.»

«Другъ мой! мой братъ! ты воскресилъ меня, вновь привязавъ къ жизни!....»

Разставшись съ своимъ Академическимъ другомъ, Кулябка возвратился домой, и, разсказавъ своей сестрѣ о нечаянномъ открытіи въ *Задняпровской рощѣ*, убѣдилъ ее, что любовь ея къ сыну преступнаго покойнаго Гулака ни сколько непредосудительна;

а напротивъ священна, какъ единственное вознагражденіе благороднѣйшему человѣку, жертвовавшему своею жизнію для спасенія ихъ родителя.

Ольга не могла опомниться отъ восхищенія, въ душѣ ея блеснулъ ясный лучъ надежды. Имѣя сильнаго защитника въ родномъ братѣ, по своему сердечному дѣлу, она тотчасъ хотѣла итти съ нимъ къ родителямъ, не желая ни минуты медлить своимъ счастіемъ.

Но разсудительный братъ, представляя Ольгѣ, что поспѣшностію можно испортить дѣло, просилъ ее быть осторожнѣе, и успокоиться на нѣкоторое время, скрывая радость въ себѣ. Онъ предоставилъ въ собственное распоряженіе устроить и привесть къ окончанію дѣло, такъ хорошо имъ начатое.

Немедленно увѣдомивъ своихъ родителей о несчастной кончинѣ смертельнаго ихъ врага, Полковника Гула-

ка, Борисъ сильно ходатайствовалъ у нихъ за его сына Виктора, совершенно оправдывая его невинность въ злоумышленіи отца.

Борисъ разсказалъ отцу о прежней своей дружбѣ съ Викторомъ еще въ Академіи, и, какъ за себя, ручался за его доброе сердце и искреннее расположеніе къ ихъ дому, вопреки желанію покойнаго родителя, требовавшаго съ него клятву — мстить семейству Кулябки до послѣдняго издыханія.

Полковникъ Кулябка, никогда не искавшій мстить своему врагу, истинно желая обратить его на путь раскаянія, будучи увѣренъ въ благоразуміи своего сына, безъ труда согласился съ его мнѣніемъ, и позволилъ ему продолжать дружбу съ Викторомъ Гулакомъ.

Цѣлый вечеръ и на другой день утромъ Ольга должна была скрывать свою радость, ни съ кѣмъ ея не раздѣ-

ляя; она опасалась, чтобы, по словамъ ея брата, не испортить дѣла хорошо начатаго, и съ трепетомъ сердечнымъ ожидала рѣшенія своей участи.

Родители ея, не зная еще о счастливой перемѣнѣ, съ ихъ дочерью случившейся, совѣтовались между собой какія бы принять имъ мѣры для излеченія Ольги отъ долговременнаго недуга. Какъ вдругъ вошелъ въ свѣтлицу Борисъ съ какимъ-то незнакомымъ человѣкомъ въ рубищѣ, похожимъ болѣе на нищаго.

«Вотъ вамъ Цыганъ,» сказалъ Борисъ: «искусный знахарь, онъ лечитъ разныя болѣзни весьма удачно, и берется изцѣлить нашу Ольгу отъ гнетущаго ее недуга.»

Сомнѣваясь по наружности въ знаніи Цыгана, Полковникъ сказалъ ему: «смотри знахарь! я согласенъ испытать твое искусство; но если ты не крѣпко въ немъ увѣренъ; то лучше и не принимайся за работу; ибо знай

напередъ, что ни какая смертная сила тебя не спасетъ отъ справедливаго гнѣва: за дерзкій обманъ я велю зашить тебя живаго въ мѣшокъ, и пошлю въ Днѣпръ бесѣдовать съ рыбами.»

Не отвѣчая ни слова, знахарь вынулъ изъ-подъ полы скрипку и сыгралъ: *смерть Твердовскаго.*

«Это *онъ*! это *онъ*!» кричала Ольга, выбѣжавшая изъ другой комнаты.

«Кто такой, *онъ*?» спросилъ ее изумленный отецъ: «опомнись Богъ съ тобой!»

«Я его узнала по смычку! это Викторъ Гулакъ!»

«Какой Викторъ Гулакъ! Осмотрись — это нищій Цыганъ, обманщикъ!»

Скинувъ лохмотье нищаго, Викторъ Гулакъ представился въ надлежащемъ видѣ, прося со слезами извиненія въ своей невинной хитрости, на которую заставила его рѣшиться единственно одна любовь къ Ольгѣ.

Борисъ присоединилъ свою просьбу, обвиняя себя одного въ этой выдумкѣ.

А Ольга въ нерѣшимости глядѣла то на отца, то на любезнаго.

Опомнившись отъ удивленія, Полковникъ воскликнулъ: «такъ вотъ, наконецъ передъ нами тотъ таинственный человѣкъ, который избавилъ меня отъ явной смерти; черты лица твоего такъ глубоко врѣзались въ моей памяти, что я не понимаю, какъ можно было ошибиться въ тебѣ съ перваго разу; но лохмотье нищаго совсѣмъ измѣнило твой видъ и обмануло меня! Понимаю, благороднѣйшій человѣкъ, что заставило тебя скрывать отъ насъ свое имя; но я непамятозлобивъ; несчастный твой отецъ уже не существуетъ; теперь все прошедшее забыто. Ты чудесно излечилъ дочь мою; будь же моимъ сыномъ; другой награды, болѣе достойной твоего серд-

ца, я не въ состояніи дать тебѣ; соедините ваши руки дѣти мои и обнимите отца! . . . . .»

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИЖКИ.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. №
193 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
I.	Иванъ Подкова.	1.
II.	Семейство Кулябки. . . .	125.